

ГОДЪ XXXIX.

Подписная цѣна: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р., на мѣсяць 40 к.

Съ доставкою и пересылкою на годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р.

Отдѣльные №№ по 10 коп. Продаются во всѣхъ кіоскахъ города Москв ы.

Еженедѣльное
изданіе.

№ 20.

Редакція открыта отъ 10 до 2 ч. дня.

20 мая 1907 г.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер. Епархіальный домъ, редакція «Моск. Церк. Вѣдомостей».

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки: за 1 разъ 30 к., за 2 раза 50 к., за 3 раза 70 коп., на годъ—по особому условію.

Редакція „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей“ съ 15 мая по 15 августа по понедѣльникамъ закрыта. Въ остальные дни открыта отъ 10—2 ч. дня.

Епархіальная бібліотека съ 15 мая по 15 августа открыта по четвергамъ, пятницамъ и субботамъ отъ 11—3 ч. дня.

Въ Редакціи „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей“ (Лиховъ пер., д. Епархіального Вѣдомства) имѣются въ продажѣ оставшіеся отъ прошлаго 1906 года экземпляры „Московского Благовѣста“. Цѣна 50 к. за 100 листовъ.

Могилевскій Епархіальный Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества издалъ на средства преосвященнаго Стефана, епископа Могилевскаго и Мстиславскаго составленную этимъ послѣднимъ книгу, подъ заглавіемъ „Православно-христіанское нравственное ученіе по сочиненіямъ Иннокентія, архіепископа Херсонскаго“, въ двухъ томахъ.

Выходъ этого изданія приуроченъ къ 50-лѣтію со дня кончины архіепископа Иннокентія, имѣющему исполниться 26 го сего мая.

Вырученная сумма отъ распродажи изданія предназначена на усиленіе средствъ Миссіонерскаго Комитета и мѣстваго Миссіонерскаго Совѣта, въ вѣдѣніи котораго находится епархіальная миссія,—въ половинномъ размѣрѣ на долю того и другого.

Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, на сообщеніи о выходѣ этой книги изволилъ положить слѣдующую резолюцію: *1907 г. мая 15. Поименованное сочиненіе рекомендуется духовенству и начальству духовныхъ учебныхъ заведеній Московской епархіи. Напечатать о семъ въ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ“.*

Обличителямъ духовенства.

Противъ духовенства говорится и пишется много. Особенно много обличеній раздается противъ пастырей Церкви за послѣднее время. Кто нынче не бранить духовенства? Бранять или, лучше сказать, прямо ненавидятъ его представители крайнихъ лѣвыхъ политическихъ партій, видящіе въ духовенствѣ своего главнаго врага. Бранять и „правые“ за малодушіе и недѣятельность. Бранять маловѣрующіе и невѣрующіе, такъ какъ именно представителей-то Церкви они и считаютъ главными виновниками усиленія невѣрія вообще и причиной своего отпаденія отъ вѣры въ частности. Бранится духовенство и между собою. Бранять духовенство за поборы, за пьянство, за невѣжество, за лѣнь, за трусость, за безжизненное отношеніе къ своимъ святымъ и великимъ обязанностямъ. Бранить или, лучше сказать, любить трунить надъ своимъ духовенствомъ простой русскій народъ, но больше и чаще всего бранить, даже прямо ненавидятъ духовныхъ значительная часть передовыхъ интеллигентовъ.

Какъ отнестись ко всѣмъ этимъ чрезвычайно разнороднымъ и многовиднымъ нападкамъ? Какъ разобраться въ нихъ болѣе или менѣе без-

пристрастно? Какой урокъ должны вывести изъ всего этого сами пастыри? Всѣ эти мысли навѣяны на насъ однимъ недавнимъ письмомъ поваго обличителя духовенства—г. Вал. Свенцицкаго, помѣщеннымъ въ № 14 Петербургскаго дух. журнала „Вѣкъ“ подъ заголовкомъ „Письмо къ духовенству“.

Сущность обличеній новаго обличителя такова. Церковь гибнетъ. Религіозная жизнь умираетъ. Ни общей жизни, ни общей молитвы въ приходахъ нѣтъ, потому что нѣтъ общей любви. „Чужія, ненужные другъ другу люди собираются въ разукрашенной церкви, гдѣ безжизненно повторяются слова и молитвы, которыя нѣкогда были созданы религіознымъ вдохновеніемъ вѣрующихъ. На одномъ клиросѣ безучастный хоръ, на другомъ еще болѣе безучастный дьячекъ, въ алтарѣ назначенный, чужой для всѣхъ душъ пастырь, а предъ алтаремъ „православные христіане“, по привычкѣ *ходящіе въ церковь съ тѣмъ, чтобы дома жить хуже язычниковъ...* Нѣтъ среди вѣрующихъ Христа. Тѣло и Кровь Его принимаютъ вѣрующіе не въ жизнь вѣчную, а въ осужденіе“ (176 стр. Куре. автора).

Пастыря неохотно пускаютъ въ домъ, гдѣ онъ, по праздникамъ, наскоро читаетъ молитвы, крошитъ св. водой, получаетъ рубль и уходитъ до слѣдующей какой-нибудь закономъ обусловленной чреды: свадьбы, похоронъ, крещенія. Пастыри ушли отъ жизни, все и всѣхъ бросили на произволь судьбы. Равнодушные, трусливые и жалкіе, они заперлись въ своихъ теплыхъ квартирахъ отъ холода и вѣтра, потому что пропитались безбожнымъ отношеніемъ къ жизни, рабски подчинились скуднымъ стихіямъ міра сего; они сами не вѣрують, а потому и другихъ не учать, что надъ земной „цѣлесообразностью“ и необходимою стоять высшіе законы правды и долга. Истинная Церковь ушла отъ пастырей. „Въ церкви ли вы сами, или внутренній неслышанный, но страшный голосъ давно вамъ сказалъ: *анаѴема*“. А архипастыри церковные? Они патравливаютъ брата на брата, руководятъ избіеніями евреевъ, благословляютъ всѣ преступленія правительства. Въ „смирительныхъ“ посланіяхъ Синода не знаешь, чего больше—трусости или сознательной лжи. Современный разодѣтый намѣтникъ Христовъ съ осыпанныю звѣздами и орденами грудью знаетъ только свои парадные вывѣзды на четверкѣ лошадей. Если бы Апостоль Христовъ попалъ ему навстрѣчу, онъ окатилъ бы его грязью съ ногъ до головы. Малѣйшій свободный порывъ христіанина они душатъ въ началѣ. Не Христосъ Господишъ этой Церкви. „*Другому поклонились вы!*“ Не истинной Церкви служить они! Истинная Церковь—Тѣло Христово, полное любви, красоты, прощенья, свѣтлое, радостное петлѣнное. Эта Церковь свята,

потому что только святое входитъ въ составъ ея. Она соборна—потому что живетъ общею жизнью. Она Апостольская, потому что тотъ только членъ ея, кто беретъ на себя апостольское служеніе. Надо любить эту Церковь. Надо любить и желать, безъ всякихъ наградъ и условій, хоть края свѣжнхъ ризъ Христовыхъ коснуться, дышать около Него, принимать всеѣмъ сердцемъ лучи радости, идущіе отъ Него! А вы что сдѣлали съ Церковью? Во что превратили ее и ея св. таинства? Это великій грѣхъ духовенства. Онъ требуетъ и великихъ подвиговъ пламеннаго покаянія и истинно-пастырскаго служенія. Но что же надо дѣлать духовенству? Съ чего начать? Ближайшее, хотя и виѣшнее, но необходимое условіе возрожденія истинной Церкви—это политическая свобода, свобода проповѣди, печати, союзовъ, братства, и вы должны служить полному политическому освобожденію всеѣми доступными путями, порвавъ всякую связь съ участкомъ и истинно-русскими людьми... Второе дѣло—личная святая жизнь, личный подвигъ, жизнь безъ всякихъ компромиссовъ, исполненіе Евангелія, безъ всякихъ откладываній и постепенности; жизнь, исполненная подвига и самоотреченія. Третье дѣло—углубленіе религіознаго сознанія, христіанское рѣшеніе общественныхъ вопросовъ. Все это сводится къ возсозданію внутреннихъ религіозныхъ организацій, къ стягиванію на мѣстахъ въ одинъ центръ всеѣхъ наличныхъ религіозныхъ силъ прихожанъ и къ объединенію самихъ пастырей.

Вотъ болѣе или дословная передача всеѣхъ положеній новаго обличителя. Письмо написано, по сознанію самого автора, вѣрующимъ человекомъ, не сектантомъ, съ цѣлью затронуть хотя нѣкоторыхъ изъ пастырей. Написано горячо, полно сильныхъ упрековъ и укоровъ не только пастырямъ, и архипастырямъ, но даже и Церкви вообще. Обличеніе характерное, выражающее почти все, что приводится слышать и читать о духовенствѣ отъ интеллигентной части нашего общества. Что же нужно сказать въ отвѣтъ на эти обличенія? Сказать нужно слѣдующее. Несомнѣнно, что духовенство виновато и весьма виновато въ наблюдаемомъ у насъ упадкѣ религіозности и нравственности. Духовенство часто не стоитъ на высотѣ своего призванія. Пастыри и даже архипастыри не всегда горятъ апостольской ревностью о Слово Божіе на землѣ. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и отрицать это грѣшно. Намъ, наоборотъ, надо сознать этотъ нашъ существенный недостатокъ, чтобы не только не упасть еще ниже и больше, но поскорѣе очнуться отъ сна, встать на свое мѣсто, проникнуться святостью долга и званія. Чѣмъ скорѣе мы поймемъ это, тѣмъ скорѣе поправимся и вылѣчимся отъ нашего духовнаго оцѣпенѣнія. Для насъ лично это несомнѣнная истина. И если бы раздавались только такіа призывы къ пробужденію духовенства, призывы сердечные

и любящіе Церковь и духовенство, это было бы хорошо. Но вотъ что не хорошо и фальшиво. Люди, считающіеся даже „вѣрующими“, изъ несомнѣннаго факта малодѣятельности духовенства обыкновенно дѣлаютъ совершенно невѣрный выводъ о невліятельности Церкви вообще, объ утратѣ *ею самую* жизненныхъ силъ, о *параличѣ* Церкви. Говорящіе такъ забываютъ слово Христово о неодолимости основанной Имъ Церкви Божіей даже силами адскими, а не только что временною приниженностію и забитостію ея, Церкви, наличныхъ служителей. Въ обличеніяхъ интеллигентовъ не видишь различія этихъ совершенно различныхъ предметовъ. Вчитайтесь повнимательнѣе хотя бы въ положенія г. Свенцицкаго. Вѣрное такъ перепутано здѣсь съ ложью, съ невѣріемъ въ неизмѣнность обѣтованія Господа, что все обличеніе совершенно утрачиваетъ свою полезность для адресованныхъ лицъ. Что *мы*, духовные, — малосильны, малодѣятельны и несомоотверженны — это вѣрно. Но что мы все-таки служимъ истинной Церкви и тому же Христу, Которому служили св. Апостолы, это тоже истина несомнѣнная, а это и забыто, не уяснено, не понято обличителемъ. „Въ Церкви ли вы сами?“ дерзаетъ спросить онъ насъ, грѣшныхъ, и самъ же смѣшитъ предупредительно отвѣтить: „Не Христось—Господишь этой Церкви. Другому—поклонились Вы!“ Это—ложь, это фальшивая фраза, это не голосъ лица, живущаго въ Церкви, а голосъ человѣка, только поверхностно интересующагося ею, не голосъ смиреннаго члена Церкви въ духъ первохристіанской общины, а голосъ горделиваго, облакающагося въ тогу вождя, представителя части нашей интеллигенціи, разбитой, изжившейся, больной, кидающейся отъ одной крайности къ другой, отъ язычества къ неохристіанству, отъ безвѣрія къ фанатизму и суевѣрію, отъ сатанинской гордости къ самооплеванію, отъ матеріализма къ спиритизму и т. п. Это вопль истерично-больного скептика, имѣющаго глаза видѣть и не желающаго видѣть, имѣющаго уши, чтобы слышать, и не желающаго слышать. Я утверждаю, что г. Свенцицкій, если и вѣритъ, то стоитъ лишь на первой, дѣтской ступени вѣры во Христа, но уже безъ дѣтской простоты и увлеченія этой вѣрой. Онъ еще *мало вѣруетъ* во Христа и въ Церковь и потому смущается, какъ малый ребенокъ, такими второстепенными недостатками, изъ-за которыхъ не разглядѣлъ самой души жизни церковной. Я утверждаю, что вы, г. Свенцицкій, еще младенецъ по вѣрѣ, вы *не живете* въ Церкви, вы сами *чужой* еще Ей и потому, когда вы входите въ нашу церковь, то вамъ, чужому для насъ, мы и показались чужими и для васъ, и между собою. Но придите къ намъ не съ цѣлью подсмотрѣть наши слабости и грѣхи, а съ цѣлью за-

одно пожить съ нами хотя и по нашему, т.-е. по-половинчатому, а не по-апостольски, *этою* нашею церковною жизнью, и вы поймете, что мы *свои* другъ другу, *нужные* другъ другу, что мы, можетъ быть, нужны и *для васъ*. Вы *клеветеете* на Церковь, когда говорите, что у насъ „на одномъ клиросѣ—безучастный хоръ, на другомъ—еще болѣе безучастный дячекъ; въ алтарѣ—назначенный, чужой для всѣхъ душъ пастырь, а предъ алтаремъ „православные христіане“ (какъ язычески-язвительны эти ваши партійныя ковычки!), по привычкѣ ходящіе въ церковь съ тѣмъ, чтобы дома жить хуже язычниковъ“. Я спрошу васъ: видали ли вы хоть одинъ разъ этотъ „*безучастный хоръ*“ въ деревенской сельской глуши, какъ, напримѣръ, Вологодской, Новгородской, Пензенской или всякой другой епархіи? Знали ли вы хоть одного „еще болѣе безучастнаго дячка“ этой епархіи и хоть двухъ-трехъ „назначенныхъ пастырей“, и при томъ не по наслышкѣ, не по газетнымъ сплетнямъ, и не по рассказамъ Потапенки, а живыми, дѣйствительными лицами, съ ихъ слабостями, недостатками, грѣхами? Я отвѣчаю: *нѣтъ, вы этого не видали, не знали и не знаете*. Я васъ тоже *совсѣмъ* не знаю, какъ и вы меня, но я это утверждаю. Потому что, если бы вы знали церковную жизнь въ глубинѣ народной, русской 100-милліонной души, вы не сказали бы того, что сказали. Вы судите насъ и вѣру нашу и даже Церковь нашу, весь нашъ народъ, по случайнымъ наблюденіямъ изъ вашего, можетъ быть, еще болѣе теплаго чѣмъ, напр., кабинета г. Москвы. Вы судите по какому-нибудь одному, двумъ, тремъ, десяти *столичнымъ* приходамъ обо всей церковной жизни *православной* Россіи. Но такъ судить нельзя. Вы, какъ образованный человѣкъ, должны это знать, вы должны были проѣхаться по Россіи, по ея различнымъ медвѣжьимъ угламъ и прислушаться не горделивымъ ухомъ къ настоящей русской церковной жизни. И вы бы поняли тогда, *что дѣлаютъ съ народомъ* даже эти *пьяненькіе и слабенькіе сельскіе батюшки*. Вы узнали бы душу этихъ православныхъ людей (для меня они безъ ковычекъ) и для васъ стало бы тогда понятно то, что, я увѣренъ, смущаетъ васъ теперь. Вы поняли бы тогда, что *они* одни и *только* они воспитываютъ народную душу въ праведной жизни. И это воспитаніе совершается именно въ церкви, ея ученіемъ, ея богослуженіемъ, ея уставами, даже обычаями и обрядами. Тѣ самыя лица, которыя такъ ненавистны вамъ, интеллигентамъ, т.-е. назначенные священники, безучастные дячки, именно они-то и воспитывали и воспитываютъ народъ. Они живутъ вмѣстѣ съ народомъ, вмѣстѣ растутъ, вмѣстѣ грѣшать, но не теряютъ христіанскаго сознанія объ этихъ грѣхахъ и потому вмѣстѣ и каются. Вы, интеллигенты, давно утратили *въ массѣ* это христіанское

сокрушеніе о своей грѣховности, а оно-то и составляетъ *душу* народную. Народъ чувствуетъ необходимость иной, высшей, божественной помощи и не находитъ страннымъ, если эта помощь подается ему чрезъ людей, во всемъ подобострастныхъ ему. Онъ только *трунитъ* надъ духовенствомъ и при этомъ всегда прибавляетъ: „окромѣ его священства“; вы, интеллигенты, браните и ненавидите насъ, потому что *отрицаете* насъ, отрицая и Церковь, и Христа, и даже Бога. *Вотъ что, дѣйствительно, ужасно*, а не то, что мы плохи, не ревностны не самоотверженны, хотя, конечно, плохо и это. Для ясности и краткости въ примѣрахъ я спрошу васъ только объ одномъ: васъ навѣрное смущаетъ, какъ смущаетъ всю „освободительную интеллигенцію“, косность и „невѣжество“ *этого* народа, который, несмотря на все извороты и разжигательные призывы интеллигенціи, остается безучастнымъ къ „великой россійской революціи“ (здѣсь кавычки неизбѣжны) и сохраняетъ такое высокое и чисто христіанское настроеніе къ Царю и Церкви, что не вы одни, а очень и очень многіе интеллигенты, своеобразно понимая христіанство, и гласно, и негласно недоумѣвая, замѣчаютъ: этотъ невѣжественный народъ не понимаетъ своихъ истинныхъ благодѣтелей; видимо онъ язычникъ или хуже язычника. Какая близость къ фарисейскому сужденію о еврейскомъ народѣ время Христа!

А для меня все это совершенно понятно. Народъ нашъ не сдѣлаетъ никакой революціи, потому что онъ народъ глубоко христіанскій, *истинно православный*, а этимъ своимъ христіанскимъ воспитаніемъ онъ *всецѣло обязанъ той Церкви*, и тѣмъ *пастырямъ церковнымъ*, которые для васъ чужіе, дурные, не Христовы. „Не Христовы!“ Нѣтъ, это опять ваша великая ложь! *Мы все въ Церкви*, хотя мы и слабы, и малодѣятельны. Наша Церковь *свѣта*, несмотря на *наши* грѣхи; она *соборна*, но не включаетъ васъ, пока вы будете подходить къ Ней со своимъ менторскимъ тономъ; она *апостольская*—но не потому, что всякій самозванецъ можетъ быть признанъ за Ея апостола и смѣетъ обличать Ее, а потому что въ Ней *сохранено* неискаженнымъ и апостольское ученіе, и апостольское преемство іерархическое. Вы упрекаете Св. Синодъ въ трусости и даже сознательной лжи, а архипастырей—въ братоубійствѣ. Стыдитесь, г. Свенцицкій, бросать такіе упреки! Ихъ по меньшей мѣрѣ надо бы хотя перечислить, а еще лучше ихъ надо бы доказать. Сознательная ложь въ самой душѣ церковнаго организма (для меня, какъ пастыря, послушливаго не только святому сонму архипастырскому, но и каждому единому пастырю, Св. Синодъ—есть, конечно, именно душа церковнаго организма)! да вѣдь сказать это—значитъ сказать, что русская Церковь не только гибнетъ, но уже погибла. Какъ рѣшились

вы допустить возможность подобной мысли у себя въ головѣ, разъ вы считаете себя еще вѣрующимъ? Во что же вы вѣрите? Откройтесь пояснѣ. Въ слова Христовы о неодоимости Церкви вы, видимо, не вѣрите. Вы можете упрекнуть *отдѣльныхъ* архипастырей въ боязливости, малодушіи, искательствѣ, но не смѣте дѣлать этого, говоря о Св. Синодѣ. Не оскорбляйте насъ, и безъ того довольно оскорбляемыхъ, или лучше—оскорбляйте насъ, но *не троньте* нашихъ *отцовъ*, нашихъ рукоположителей, носителей благодати Христовой. Зачѣмъ забываете вы достойныя дѣянія и архипастырей, и Св. Синода? Зачѣмъ забываете Филаретовъ, Иннокентіевъ, Іоаннікіевъ, Амвросіевъ? Читали ли вы рѣчи послѣдняго объ интеллигенціи? Читали ли вы слова и рѣчи Никанора Херсонскаго? Слыхали ли о скромныхъ „старцахъ“ Оптинскихъ, Троицкихъ, Соловецкихъ, Бѣлозерскихъ и т. п.? Ужели это все не живыя для васъ носители и свидѣтели живоносности и благодатности нашей матери—Церкви святой?! Смиритесь, г. Свенцицкій! Покайтесь въ своемъ гордомъ высокомеріи, которое всякій разъ царитъ у васъ, какъ вы начинаете учить и обличать, вмѣсто того, чтобы учиться, исправляться. Нѣтъ, Церковь русская жива, и только убогіе духомъ паралитики не могутъ видѣть Ея жизненнаго вліянія. У нашего народа и дониндѣ нѣтъ еще авторитета сильнѣе церковнаго. Народъ отличаетъ въ насъ, грѣшныхъ служителяхъ Церкви, наши неизбежныя человѣческіе недостатки, близкіе къ его народнымъ недостаткамъ, и наше великое дѣло, *все же исполняемое нами и съ вѣрою, и съ благоговѣніемъ*. Видали ли вы, какъ въ праздникъ, напр., Св. Пасхи пастыри церковные ходятъ по своимъ приходскимъ лачугамъ, хотя бы иногда и ослабѣвшіе отъ грѣховныхъ немощей, а ихъ *безъ осужденія, но съ любовію*, какъ всетаки *носителей благодати и силы Божіей*, встрѣчаютъ и провожаютъ съ пѣніемъ „Христосъ воскресъ“, пѣніемъ громкимъ, могучимъ, на цѣлыя версты русскихъ полей слышнымъ, съ крестами, иконами, хоругвями, ихъ, говорю, встрѣчаютъ и провожаютъ тихія, немощныя отъ грѣховъ, простыя, вѣрующія души народа? Если бы вы видали это, почувствовали и оцѣнили, вы поняли бы, что, дѣйствительно, сила Божія и въ немощахъ совершается. На землѣ мало святыхъ. Не святы и мы, грѣшныя. Но мы не рядимся въ фарисейскую одежду святошества, не кичимся своею праведностью, скорбимъ о грѣхахъ своихъ, молимся Господу о прощеніи и исправленіи своемъ и народномъ. *И за эту христіанскую простоту и нелицемѣріе любитъ насъ нашъ православный русскій народъ*, а обличаетъ насъ давно и старательно, но совершенно безмысленно для себя и бесполезно для насъ, только ваша лицемѣрная и фарисействующая интеллигенція. Мы хранимъ и будемъ хранить

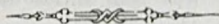
вѣру Христову, какъ хранить и будетъ хранить ее и народъ русскій, что бы вы съ нимъ ни дѣлали. Онъ не пойдетъ за вами, за Толстымъ, за Горькимъ, за Петровымъ, а пойдетъ за нами, слабенькими, но безхитростно и просто учащими его духу Христову пастырями церковными. И эта вѣрность народа нашего намъ воспламенить же когда-нибудь и насъ, грѣшныхъ, до апостольской ревности о вѣренныхъ намъ душахъ христіанскихъ. И тогда еще тѣнѣе объединимся мы со своимъ вѣрующимъ во Христа и Церковь стадомъ Христовымъ, и жизнь русская будетъ перестроена согласно этого христіанскаго идеала. Наша программа церковнаго, не скажу—обновленія,—ужь очень истаскано это хорошее слово,—а *утвержденія* будетъ значительно иная, чѣмъ ваша, по освободительно-шаблонному рецепту составленная. Вы зовете насъ, пастырей, къ политическому освобожденію народа отъ какихъ-то рабскихъ цѣпей. Здѣсь надо объясниться. Есть цѣпи и цѣпи. Если вы говорите только о политическомъ совершеннolѣтїи и равноправїи народа русскаго и интеллигенціи, я съ вами согласенъ. Довольно этого господства интеллигенціи надъ народомъ. Довольно глухыхъ хожденій въ народъ, съ цѣлью его развращенія подъ предлогами научнымъ. Настаетъ время и уже настало вамъ, интеллигентамъ, склониться предъ народной волею, волею вѣрующей, христіанской, а не языческой и болѣзненной. Не троньте народной вѣры, если не хотите пасть окончательно въ глазахъ народа и дождаться его праведнаго гнѣва. Идите въ народъ, но для того, чтобы учиться у него вѣрѣ во Христа и труду христіанскому. Довольно обмана народнаго красивыми словами науки: цивилизація, культура, а теперь еще: братство, равенство, свобода! Освободитесь сами отъ рабства идоламъ языческой культуры и тогда смѣйте заботиться о народѣ. Еще вы учите насъ святости! Это мы знаемъ и безъ васъ, но за этотъ урокъ вамъ лично все-таки великое спасибо. Здѣсь вы заговорили по-народному. Что касается организаціи и объединенія, то и за это спасибо. Но мы молимъ Господа, чтобы мысль о соборномъ единенїи привела насъ къ тому, что я называю *утвержденіемъ* въ церковной жизни и ея устояхъ. Боимся, что вы, интеллигенты, помѣшаете этому и сорвете церковный соборъ. Вы будете натуживаться сказать и здѣсь *какое-то новое слово*, когда нужно лишь *вспомнить о старомъ*. Нужно перестать ходить на заднихъ лапахъ предъ Европой и начать жить по-русски, по-православному, по-церковному. *Смириться* надо опять. Послушаться тѣхъ самыхъ словесныхъ пастырей и архипастырей, которыхъ пока вы только умѣли обличать.

Мнѣ остается сказать о вещахъ, совершенно неважныхъ, изъ вашего письма, т. е. о теплыхъ квартирахъ у пастырей и о звѣздахъ и

резинахъ у архипастырей. Желалъ бы я Вамъ отъ души побывать въ *теплыхъ* квартирахъ нашихъ сельскихъ пастырей; авось бы *остыло* тогда ваше пламенѣющее нехорошимъ чувствомъ къ духовенству интеллигентное сердце. Больше говорить объ этомъ нечего. О столичномъ духовенствѣ говорить не стоитъ. Оно, конечно, живетъ по вашему, т.-е. по-интеллигентному. Въ этомъ оно виновато. Оно должно бы самую жизнь своей учить самоотверженію. Дѣлаютъ это только немногіе. Это большой недостатокъ, но все же не утрата вѣры, конечно. Но въдѣ численно оно тонетъ въ массѣ убогаго духовенства сельскаго. Тоже и объ архипастыряхъ. Если бы всѣ они проще жили—было бы конечно на радость намъ и на пользу Церкви и вамъ. Это безспорно. Но духъ Христовъ въ нихъ все-таки живетъ. Не у всѣхъ только виѣшне *наблюдаютъ* мы съ вами самоотверженіе. Но думаю, что это такая область, судить о которой по видимости чрезвычайно опасно. Во всякомъ случаѣ нынѣ многіе архипастыри живутъ уже гораздо проще, чѣмъ жили ихъ предшественники. Еще разъ повторяю, что это не особенно важно, ибо вполне и быстро поправимо.

Въ заключеніе я хочу тоже обратиться къ вамъ съ словами увѣщанія. Бросьте ваши поиски *новаго* христіанства и *новой* Церкви. Отъ добра добра не ищутъ. Смиритесь! Я третій разъ повторяю эту великую заповѣдь кажется, вамъ близкаго и дѣйствительно великаго учителя—Достоевскаго. Если у него и сорвалось съ языка ненужное выраженіе о параличѣ Церкви, не повторите его безмысленно. Приникнете умомъ своимъ и сердцемъ къ святынь церковной. Есть еще великая и святая сила у насъ. Не судите по видимости. Помните заслуги Церкви для Россіи въ теченіе почти 1000 лѣтъ. Не клеймите Ея незаслуженно. Не отрывайтесь отъ нея, ибо, оторвавшись, засохнете духовно, какъ засыхаетъ всякая отпавшая отъ дерева вѣтвь. Посмотрите на Толстого и его несчастныхъ послѣдователей. *Живите въ Церкви*. Аминь.

Свящ. *Авениръ Полозовъ*.

Соціальный вопросъ, какъ нравственная и теоретическая задача *).

Другой типъ *разматриваетъ* человека *отвлеченно*, *оторванно отъ мірозданія* и оцѣниваетъ всю его дѣятельность исключительно по результатамъ ея. Съ этой точки зрѣнія, нормы этического

*) Продолженіе. См. № 19-й „Моск. Цер. Вѣдомостей“.

лежать уже не въ вѣчномъ, не въ волѣ Верховнаго Законодателя, но во временномъ, въ предваряемомъ мечтательною мыслию грядущемъ строѣ жизни. Неизмѣннаго нравственнаго идеала бытія и жизни, съ этой точки зрѣнія, нѣтъ или, точнѣе, *пока еще нѣтъ*, хотя онъ *будетъ*, опредѣлится нѣкогда и именно какъ итогъ міровой эволюціи. Эти кодексы, слѣдовательно, радикально измѣняютъ взглядъ человѣка на міровой процессъ и человѣческую жизнь: не съ точки зрѣнія вѣчнаго учать они смотрѣть на временное и земное, а наоборотъ—именно въ условномъ и земномъ ищутъ опоры и средствъ для выработки такого строя жизни или такихъ отношеній, которымъ можно было бы, въ концѣ-концовъ, усвоить идеальное, безусловно цѣнное и, въ этомъ смѣслѣ, „безсмертное“, даже „вѣчное“ значеніе. Все въ человѣческихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ для моралистовъ этого типа есть лишь *средство* подготовки грядущаго строя. „земного рая“, въ которомъ бы всѣ были довольны, равны, справедливы, автоматически добродѣтельны и т. д. Все здѣсь подвижно, и измѣняется именно лишь какъ *средство* для этой великой конечной цѣли. Въ этомъ соотношеніи средствъ и цѣлей, съ характеризуемой точки зрѣнія, лежитъ единственный критерій этического. Ни человѣкъ, ни его дѣло уже не могутъ, очевидно, быть разсматриваемы, какъ безусловная, безотносительная цѣнность. Самое важное будто бы проявить или заявить себя, т.-е. быть цѣннымъ въ глазахъ другихъ, а не въ собственныхъ, не предъ своею совѣстью, — заявить полезнымъ дѣломъ въ цѣляхъ водворенія идеала всеобщаго довольства.

Вотъ два основныхъ нравственныхъ кодекса въ ихъ полярной противности.

Они, какъ видимъ, стоятъ на почвѣ радикально противоположныхъ и взаимно исключаящихъ другъ друга міросозерцаній: для перваго—разгадка смысла и цѣнности жизни, въ концѣ концовъ, *тамъ*; для втораго—вѣщѣло и исключительно *здѣсь*.

И, повторяю, съ научной точки зрѣнія, это единственный критерій для классификацій и оцѣнки всѣхъ этическихъ системъ.

Теперь спрашивается: къ какому же изъ этихъ типовъ мысли мы отнесемъ социализмъ, какъ *этическую доктрину*?

Несомнѣнно и безспорно, ко второму.

Самое существенное для социализма, въ этическомъ отношеніи, это—что онъ разсматриваетъ человѣка *отвлеченно*, т.-е. не въ конкретной полнотѣ его опредѣленій, но лишь въ одномъ единственномъ опредѣленіи: какъ трудовую и потребительную еди-

ницу-силу. Одинъ изъ предшествующихъ лекторовъ, разсматривавшій социализмъ съ общественно-государственной точки зрѣнія, Л. А. Тихомировъ, превосходно разъяснилъ эту *отвлеченную природу* социализма. Онъ показалъ, что социализмъ хочетъ конструировать человѣка исключительно какъ продуктъ условій жизни и, прежде всего, экономическихъ, чѣмъ и опредѣляется до неерастяжимости тѣсная связь социализма, какъ доктрины, съ такъ называемымъ историческимъ материализмомъ. Но я позволю себѣ сдѣлать шагъ дальше и скажу: социализмъ, какъ *доктрина*, т.-е. какъ система идей, и *нравственно-практической кодексъ*, т.-е. какъ система морали, вообще уходитъ своими корнями въ міросозерцаніе материалистическое, позитивно-эволюціонное, насковозь детерминистическое.

Правда, мы знаемъ и формы такъ называемаго „нейтральнаго“ социализма, повидимому, совмѣстимаго со всякимъ міросозерцаніемъ. Но онъ лишь *кажется* таковымъ и только потому, что его представители слишкомъ безпечны въ отношеніи своихъ теоретическихъ предпосылокъ. Представители этой фракціи просто отмахиваются отъ послѣднихъ вопросовъ, какъ лежащихъ будто бы внѣ ихъ „положительныхъ“ интересовъ. Но если бы они продумали свои положенія до конца, то, безъ сомнѣнія, и они признали бы родство своихъ идей со вторымъ изъ выше намѣченныхъ типовъ мысли этической и обще-философской, т.-е. съ материалистически-эволюціоннымъ и насковозь детерминистическимъ. Въ итогѣ, съ „нейтральнымъ“ социализмомъ дѣло обстоитъ такъ: или онъ, въ случаѣ непослѣдовательности, не станетъ чуждаться и христіанско-теистическихъ стимуловъ дѣятельности, и тогда мы должны не только признать недоразумѣніемъ его стремленіе стать подъ социалистическое знамя, но даже отрицать и точность самаго его названія социализмомъ; или же онъ, при послѣдовательномъ проведеніи своихъ предпосылокъ, сознаетъ свое кровное родство съ другими типами социализма, и тогда мы должны и его разсматривать подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія,— только лишь какъ наивное или несознательное выраженіе обще-социалистической идейной сущности.

Что же касается крайнихъ формъ социализма, тяготящихся къ коммунизму, то ихъ позитивно-эволюціонная, материалистически-детерминистическая природа и безъ того слишкомъ ясна, чтобы здѣсь требовались еще доказательства этого и разъясненія. Всѣ эти формы между собою сродны,

тяготѣють къ одному и тому же полюсу мысли, такъ какъ въ ихъ основѣ заложены однѣ и тѣ же предпосылки, достаточно опредѣленно намѣчающія міросозерцаніе, которымъ онѣ проникнуты.

Въ моей книгѣ *Очеркъ современной французской философіи*, гдѣ я разсматриваю социалистическую доктрину въ связи съ общимъ движеніемъ философской мысли, намѣченъ этотъ циклъ сопринадлежащихъ идей, составляющихъ какъ бы догматику социализма, насколько она опредѣлилась на родинѣ новѣйшаго социализма, во Франціи. Вотъ эти „догматы“: „реабилитация плоти“ или „физизмъ“, „оправданіе страсти“, „апофеозъ или культъ человѣчества“, „новое вольтерьянство“, „материализмъ и позитивизмъ“ и — „атеизмъ“ Эти „догматы“ социализма, очевидно, образующіе въ своей сопринадлежности одну систему, одно связанное и цѣлостное міросозерцаніе, были выставлены на знамени социалистической школы совершенно откровенно и развиты весьма тщательно, въ цѣломъ рядѣ объемистыхъ сочиненій *). Замѣчательно при этомъ, что въ дальнѣйшей исторіи, вплоть до нашихъ дней, эта система ни на волосъ не сдвинулась съ своего основанія. Она лишь осложнилась нѣсколько эволюціонно-детерминистическими и дарвинистическими элементами, (это — новый „догматъ“, прибавленный къ шести прежнимъ), да стала выступать еще откровеннѣе и циничнѣе, чѣмъ у своихъ инициаторовъ: вотъ и все! Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, наприм., заглянуть въ книгу, — недавно вышедшую и въ русскомъ переводѣ, — извѣстнаго Себастіана Фора: *Міровая скорбь*. Здѣсь, въ сущности, та же догматика социализма, съ оправданіемъ страсти, извѣстнымъ прудоновскимъ девизомъ, согласно которому собственность есть будто бы лишь кража, съ отрицаніемъ всѣхъ безусловныхъ нормъ нравственности и глумленіемъ надъ Богомъ, закономъ, совѣстью, какъ будто бы пустыми абстракціями...

Скажутъ:

Но какое же дѣло подвижной практической жизни до всѣхъ этихъ „отвлеченно-школьных“ различеній безусловнаго и условнаго? Развѣ не все равно, какимъ путемъ достигается результатъ, лишь бы онъ достигался? Далеко не все равно и — дѣло есть и даже очень большое. Ибо въ высшей степени сомнительно,

*) См. подробнѣе въ моемъ „Очеркъ современной французской философіи“ (Харьковъ, 1894 г.), стр. 213—236.

чтобы хорошей, действительно цѣнный нравственно результатъ достигался дурными средствами,—не говоря уже о софистически-иезуитской казуистикѣ всего этого вообще разсужденія, стремящагося оправдать средства цѣлями.

Не стану, однако, вдаваться въ общія разсужденія и отвѣчу на только что формулированное возраженіе-недоумѣніе конкретными фактами.

Въ біографіи Бисмарка разсказывается, что онъ, когда ему было тридцать лѣтъ, но когда его имя уже начинало останавливать на себѣ вниманіе, однажды, не задумавшись, бросился въ воду и спасъ солдата. Этотъ фактъ можно понять и по достоинству оцѣнить лишь съ точки зрѣнія безусловныхъ началъ дѣятельности. Бисмаркъ былъ, очевидно, однимъ изъ тѣхъ, которые, какъ прекрасно выразился однажды Поль-Бурже, проникнуты убѣжденіемъ, что „долгъ — нравственный, служебный и всякій иной,—не обсуждаютъ, но исполняютъ“. Если бы Бисмаркъ былъ утилитаристомъ, онъ, вѣроятно, прежде чѣмъ броситься въ воду, сталъ бы разсуждать приблизительно такъ: солдатъ—рядовая величина, а онъ, Бисмаркъ, можетъ быть и вѣроятно, принесетъ обществу большую пользу, во всякомъ случаѣ несравненно большую, чѣмъ способенъ принести солдатъ; ergo: лучше не рисковать собою и своею жизнью... Результатомъ такихъ разсужденій, на мой взглядъ, была бы гибель не только солдата, но и самого Бисмарка, ибо вѣдь извѣстно, что изъ малодушныхъ людей, людей рефлексіи и нравственнаго компромисса, никогда не вырабатываются „великіе“, какимъ оказался Бисмаркъ... Еще примѣръ. Раскольниковъ, въ извѣстномъ романѣ Достоевскаго, несомнѣнно, не убилъ бы старухи, а вмѣстѣ съ нею и самого себя нравственно, если бы не проникся утопически-соціалистическою мыслью путемъ преступленія осчастливить человѣчество...

Итакъ, не все равно,—о, далеко, не все равно!—подъ властью какихъ убѣжденій, безусловныхъ или условныхъ и подвижныхъ, человѣкъ въ каждомъ данномъ случаѣ дѣйствуетъ. То же слѣдуетъ сказать и о всей вообще этикѣ и тактикѣ соціализма, какъ мы увидимъ это дальше.

Этими соображеніями я заканчиваю установку моей основной точки зрѣнія на вопросъ и перехожу къ деталямъ. И именно я предполагаю въ предстоящей лекціи разъяснить слѣдующія положенія:

а) Соціальный вопросъ не можетъ быть окончательно разрѣ-

шенъ съ точки зрѣнія чисто *экономической* и долженъ быть перенесенъ на почву *нравственную*.

б) Многопринципная социалистическая нравственность (этика), ни въ одномъ изъ своихъ взаимопротиворѣчивыхъ кодексовъ не можетъ служить надежною почвою для разрѣшенія социальнаго вопроса, такъ какъ лишена характера всеобщей внутренней обязательности и, слѣдовательно, не можетъ содѣйствовать примиренію враждующихъ сторонъ.

в) Предлагаемый социалистами проектъ новой организациі общества, при которой бы уже не имѣли значенія и силы ни право личной собственности, ни право наслѣдованія, вслѣдствіе чего исчезло бы, будто бы, и такъ называемое „соціальное неравенство“,—этотъ проектъ долженъ быть рѣшительно осужденъ и отвергнутъ не только потому, что онъ есть очевиднѣйшая утопія, и не потому только, что уже самыя попытки къ его осуществленію грозили бы пониженіемъ и, можетъ быть, даже прямою гибелью, цивилизациі и культурѣ, но также и потому, что онъ не имѣетъ для себя ни малѣйшаго нравственнаго оправданія.

Въ заключеніе лекціи я позволю себѣ предложить, въ предѣлахъ взятой мною для обсужденія темы, нѣсколько общихъ соображеній относительно практическихъ средствъ борьбы съ социализмомъ.

II.

Политико-экономическая точка зрѣнія.

Ближайшій вопросъ, который, соотвѣтственно намѣченному плану, намъ слѣдуетъ теперь рассмотретьъ, можетъ-быть поставленъ такъ: возможно ли разрѣшеніе социальной проблемы на чисто экономической почвѣ?

Начну съ фактовъ.

Въ Берлинѣ, почти въ самомъ его центрѣ, противъ монументальнаго зданія Рейхстага, лѣтъ пятнадцать-двадцать тому назадъ можно было различить, среди подавляющихъ громадою одностильныхъ зданій, маленькій домикъ, очень красивый совнѣ и уютно обставленный внутри. Это, такъ называемая, „образцовая“ постройка, т. е. образецъ той хозяйственной постройки, какую на самыхъ льготныхъ условіяхъ,—дешево и съ разсрочкою,—обязывалась выстраивать частная, но состоявшая подъ покровительствомъ государства, компанія, каждому бѣдняку, скопившему

хоть кое-что и желающему обзавестись собственнымъ очагомъ и осѣдлостью, на лонѣ благодѣтельной природы.

Вотъ одно изъ самыхъ элементарныхъ и простыхъ проявленій направленного на борьбу съ социализмомъ современнаго „политическаго искусства!“

Этимъ путемъ надѣялись, — и это тогда была очень модная идея, — снова „націонализировать интернаціонализированные элементы“, т.-е. пролетаріатъ, задержать, хоть нѣсколько, „ненормально-усиленное стремленіе въ составъ социалистической арміи“ и т. д. Разсчитать, конечно, вѣрный! Дайте, въ самомъ дѣлѣ, рабочему, обреченному влачить бѣдственное существованіе по чердакамъ и подваламъ, дайте ему воздухъ, свѣтъ и надежный кровъ, на клочкѣ собственной загородной земли, и вы предохраните его отъ нравственнаго и общественнаго одичанія. вмѣстѣ съ любовью къ домашнему очагу и *своему* углу, гдѣ рабочій могъ бы хоть на время, забывать кошмарную атмосферу заводовъ и фабрикъ, въ его душу войдетъ снова любовь къ своей странѣ, и въ космополитѣ-интернаціоналистѣ пробудится человѣкъ, любящій свое отечество, въ отношеніи къ которому и онъ почувствуетъ себя живымъ членомъ. Эти идеи, говорю, были тогда чрезвычайно модными. Объ этомъ много говорили въ обществѣ и даже въ Рейхстагѣ. На проникновеніе этихъ идей въ сознаніе массъ, на эти маленькіе домики возлагались большія надежды. Собственныя хижины, какъ сказалъ одинъ изъ депутатовъ Рейхстага около того времени, можно сравнить съ бочками, на которыхъ утверждень мостъ въ гавани среди безпокойно волнующагося моря. А другой сказалъ приблизительно такъ: „сотня тысячъ такихъ твердыхъ пунктовъ въ странѣ обезпечила бы на зыбучемъ пескѣ движимой собственности надежный путь цивилизаціи“... Это, конечно, сказано нѣсколько изысканно, но въ сущности это вѣрно *).

Теперь домика противъ Рейхстага, въ концѣ „Доротеенштрассе“, нѣтъ. Но идея, нагляднымъ выраженіемъ и какъ бы воплощеніемъ которой онъ служилъ, осталась, и стоитъ проѣхаться хотя бы лишь по пригородамъ Берлина, чтобы убѣдиться, что она уже сдѣлала свое дѣло. Да и не только въ пригородахъ Берлина и другихъ большихъ городовъ, но и по всей Германіи тамъ и сямъ разбросаны, на всемъ ея пространствѣ, эти „якоря,

*) См. объ этомъ подробнѣе въ моей книгѣ: *Западная дѣйствительность и русскіе идеалы*, 1894 г., письмо третье.

прикрѣпляющіе кочевой людъ къ землѣ“ и отвлекающіе безпкойную бѣдноту изъ городовъ и иныхъ центровъ скопленія.

Этого мало. Идея не только привилась къ общественному сознанию, но выросла, развернулась и охватила болѣе широкій кругъ среднихъ явленій.

Политическое искусство, опираясь на политико-экономическую науку, ставить себѣ теперь, — въ Германіи, да и вообще на Западѣ, — болѣе широкую задачу: не прикрѣпленіемъ только къ землѣ, — относительно большинства рабочихъ это прямо невозможно, — но вообще „пропорціональнымъ улучшеніемъ“ ихъ жизни и, въ частности, пробужденіемъ въ нихъ собственнаго личнаго экономического интереса къ промышленнымъ предпріятіямъ: вотъ чѣмъ, главнымъ образомъ, и только этимъ тамъ считаютъ возможнымъ предотвратить „соціальную катастрофу“ и міровой пожаръ, грозящій уничтожить современную культуру. Нужно, говорятъ, создать здоровое „среднее сословіе“, которое бы стояло между высшими классами общества и низшими, его подонками: вотъ современный идеаль, можно сказать послѣднее слово современной научной политико-экономической мысли и вмѣстѣ задача современнаго политическаго искусства.

„Чѣмъ большее число лицъ“, — пишетъ одинъ изъ выдающихся современныхъ соціологовъ, Бернскій профессоръ, Людвигъ Штейнъ *), — „будетъ принадлежать къ этому среднему сословію и чѣмъ шире будетъ его экономическая основа, тѣмъ вѣрнѣе избѣжимъ мы опасности великаго міроваго пожара, который можетъ уничтожить всю нашу, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенную, культуру. Нѣтъ лучшей защиты снизу, т. е. противъ босяковъ (Lumpenproletariat) и противъ анархистовъ, — изъ разбойничьихъ правилъ Ринальдо-Ринальдини создавшихъ себѣ особую мораль, — какъ возможно большее по численности среднее сословіе, ростъ котораго фактически уже доказывается статистическими данными. Чѣмъ больше число лицъ, заинтересованныхъ въ существованіи современнаго экономического строя, тѣмъ меньше опасность его ниспроверженія“.

Въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ, совсѣмъ недавнемъ **), тотъ же соціологъ, ставя вопросъ на психологическую почву, высказы-

*) Людвигъ Штейнъ, *Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія*, стр. 549.

**) Ludwig Stein, *Der Sinn des Daseins* (1904), ss. 355—6, 389—398.

вается еще рѣшительнѣе и придаетъ только что выставленному положенію центральное значеніе въ вопросѣ о социальномъ умиротвореніи современныхъ обществъ и государствъ.

Нужно создать, разсуждаетъ онъ, во что бы то ни стало, такъ сказать *рабочую аристократію*, которая бы служила оплотомъ противъ разрушительныхъ стремленій одичалаго пролетаріата. Если бы, думаетъ онъ, рабочее сословіе имѣло возможность дѣлать сбереженія, то оно имѣло бы въ нихъ, что терять и что защищать. Оно, слѣдовательно, было бы само заинтересовано въ сохраненіи государственнаго status quo, т.-е. современнаго экономического строя. Вѣлый невольникъ, которому терять рѣшительно нечего, всегда ворчливъ и настроенъ революціонно. Напротивъ, рабочій какого-нибудь Круппа, имѣющій возможность ежегодно „откладывать“, пусть и маленькія суммы, болѣе уже не опасенъ для общества, такъ какъ его частные интересы совпадаютъ съ государственными. Еще Фихте старшій справедливо замѣтилъ: нужно сдѣлать каждого гражданина собственникомъ, и тогда каждый будетъ заинтересованъ въ сохраненіи государственнаго строя жизни. Между господствующими классами и внѣклассовымъ одичалымъ пролетаріатомъ: бродягами, безработными, поденщиками и т. д., долженъ стоять промежуточный слой, образованный изъ обученныхъ („квалифицированныхъ“) работниковъ, т.-е. именно рабочая аристократія: этого не только требуетъ инстинктъ общественнаго самосохраненія, но къ этому ведетъ и законъ исторической непрерывности въ развитіи общественныхъ формъ. Какъ прежде второе сословіе служило оплотомъ противъ третьяго, а потомъ третье стало служить оплотомъ противъ четвертаго, такъ теперь уже четвертое должно служить какъ бы брандмауеромъ противъ пятаго сословія, уже нарождающагося, противъ босячествующаго пролетаріата, — подобно тому, какъ буржуазія, или такъ называемое мѣщанское царство, уже давно служить такимъ брандмауеромъ въ отношеніи къ социаль-демократіи. Именно этою смѣною втораго сословія третьимъ, третьяго четвертымъ, при сохраненіи ихъ относительной роли, опредѣляется, по Штейну, все движеніе исторіи въ направленіи къ социальному оптимизму. Но для образованія „рабочей аристократіи“ нужно именно заинтересовать рабочихъ *экономически* въ наличномъ строѣ общественно-государственной жизни. Только этимъ путемъ можетъ быть созданъ новый типъ рабочаго. Да уже и создается. Историческая тенденція, пока еще не ясно и не отчетливо сознавая, работаетъ

именно въ этомъ направленіи. Происходитъ постепенная „аристократизація рабочей массы“, нарождается,—какъ ни странно звучитъ это сочетаніе терминовъ,—*аристократическая демократія!*

Цѣлый рядъ соціологовъ (Юлій Вольфъ, Вернштейнъ, фонъ-Ностицъ и др.) констатируетъ этотъ фактъ, довершающей разрушеніе Марксо-Энгелевской теоріи о „прогрессирующемъ обѣдненіи“, даже прямо будто-бы обнищаніи рабочихъ массъ. Съ особенною ясностію этотъ процессъ „аристократизаціи рабочихъ“ мы можемъ наблюдать въ Англіи, какъ это убѣдительно, при помощи точныхъ статистическихъ данныхъ, показалъ фонъ-Ностицъ *). Вслѣдствіе повсюднаго въ Англіи возвышенія заработной платы на 50 и даже 100 процентовъ, съ одной стороны, и вслѣдствіе учрежденія постоянно растущихъ товариществъ и развитія другихъ видовъ взаимопомощи, тамъ за послѣднее время быстро растетъ численно, въ непрестанно расчленяющемся рабочемъ классѣ, „рабочая аристократія“, составляющая уже болѣе четверти всѣхъ рабочихъ. Но то же, что мы видимъ въ крупныхъ, невольнo обращающихся на себя вниманіе, чертахъ въ Англіи,—то же самое повсюду замѣчается и въ другихъ культурныхъ странахъ. И это расчлененіе четвертаго класса на четвертый и пятый, по согласному заключенію соціологовъ названной группы, есть наилучшее средство соціального умиротворенія обществъ и государствъ, ибо,—разсуждаютъ они,—чѣмъ больше въ томъ или другомъ обществѣ въ средѣ рабочихъ такихъ аристократовъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи существующаго экономическаго порядка, тѣмъ болѣе общество будетъ застраховано противъ соціальныхъ катастрофъ всякаго рода.

Итакъ, въ цѣляхъ общественно-государственнаго самосохраненія, нужно, прежде всего, создать „рабочую аристократію“ и заботиться о все большемъ и большемъ увеличеніи ея кадровъ, путемъ „пропорціональнаго улучшенія“ матеріальнаго положенія рабочихъ, такъ какъ „рабочая аристократія“ уже сама будетъ заинтересована въ сохраненіи основъ современнаго экономическаго положенія: вотъ послѣднее слово экономической политики, какъ искусства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, одна изъ основныхъ современныхъ политико-экономическихъ *теоремъ*, которую нѣкоторые соціологи готовы возвести даже на ступень *аксіомы*.

*) Hans von-Nostitz, Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England, ein Beitrag zur socialen Geschichte d. Degenwart. 1900.

Нѣтъ, конечно, ни побужденій, ни даже просто возможности оспаривать эту „аксіому“, такъ какъ она покоится на безспорныхъ фактахъ и, въ сущности, есть не что иное, какъ ихъ обобщеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, мы вѣдь воочию видимъ, что страны, съ здоровымъ среднимъ классомъ,—Англія, Швейцарія, Скандинавскія государства, Голландія,—гораздо болѣе обезпечены противъ насильственнаго потрясенія общественнаго строя, чѣмъ другія страны, что, между прочимъ, выражается и въ томъ, достойномъ всякаго вниманія, фактѣ, что въ парламентахъ этихъ странъ,—особенно, напримѣръ, въ Англіи и Швейцаріи,—засѣдаетъ наименьшее, и относительно и абсолютно, число социалистическихъ депутатовъ. А въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ рабочіе поставлены въ особенно благоприятныя, прямо, можно сказать, исключительныя, по заключенію Зомбарта, условія,—тамъ для социализма и для социалистическихъ агитаторовъ, именно по этому самому, вообще не остается простора, а иногда даже и мѣста.

Итакъ, говоря, если угодно, мы имѣемъ предъ собою въ собственномъ смыслѣ „экономическую аксіому“.

Однако, въ качествѣ моралиста и аналитика-теоретика, для котораго экономическая точка зрѣнія на вопросъ не есть единственная, я позволю себѣ замѣтить, что *эта „аксіома“ все же имѣетъ лишь условное значеніе*,—можетъ быть, болѣе условное, чѣмъ какъ это кажется съ перваго взгляда.

Не вдаваясь въ общія разсужденія, я заставлю противъ фактовъ одного порядка, на которыхъ основываютъ приведенную „аксіому“ ея защитники, говорить факты другого порядка, настоятельно требующіе ея ограниченія.

Извѣстный французскій социологъ Густавъ Ле-Бонъ, въ своей замѣчательной книгѣ *Психологія социализма*, развиваетъ мысли, сродныя тѣмъ, съ какими мы только что ознакомились. Онъ также думаетъ, что необходимо, прежде всего, матеріально заинтересовать рабочихъ въ тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ они работаютъ, т.-е. именно создать рабочую аристократію. И онъ указываетъ нѣсколько формъ „ассоціаціи интереса“: участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія, анонимныя акціонерныя общества, съ маленькими—приблизительно по 25 франковъ—паями и т. д. Онъ думаетъ, что эти и подобныя формы „ассоціаціи интереса“ могли бы много содѣйствовать социальному умиротворенію обществъ.

„Въ тотъ день“, — пишетъ онъ *), — „когда всякій рабочій, посредствомъ пріобрѣтенія акцій, станетъ анонимнымъ собственникомъ, заинтересованнымъ въ предпріятіи, гдѣ онъ работаетъ, — въ тотъ день будетъ сдѣланъ громаднѣйшій шагъ впередъ. Быть можетъ, только путемъ такого плодотворнаго метода совершится экономическая эмансипація рабочихъ классовъ, если только она возможна, и только такимъ путемъ немного сгладится естественное и социальное неравенство... Въ тотъ день, когда возникнутъ такіе предпріятія, рабочимъ, повидимому, вовсе не на что будетъ роптать, потому что они будутъ у себя дома и работать будутъ на себя. Рабочій, который по какой-либо причинѣ захотѣлъ бы перейти на другой заводъ, могъ бы продать свои акціи и быть вполне свободнымъ“.

Вотъ какія свѣтлыя надежды возлагаетъ Густавъ Ле-Бонъ на „ассоціацію интересовъ!“ И онъ называетъ въ своей книгѣ цѣлый рядъ предпріятій подобнаго рода, въ которыхъ дѣло, повидимому, идетъ достаточно хорошо... Однако, при всемъ томъ, онъ не можетъ не видѣть и обратной стороны медали и говорить о ней очень ясно и убѣдительно.

Вотъ что онъ пишетъ немного далѣе:

„Главная опасность всѣхъ этихъ обществъ (на паяхъ, съ участіемъ въ прибыляхъ и т. д.) заключается въ томъ, что участіе въ доходахъ подразумеваетъ также участіе въ убыткахъ, по необходимости случающихся въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Пока есть доходъ, общинники во всемъ сходятся. Но какъ только начинаются убытки, согласіе, обыкновенно, очень скоро нарушается. Америка дала недавно поразительное доказательство этого. Разрушеніе пожаромъ гигантскихъ заводовъ компаніи Пульмана въ Америкѣ и послѣдовавшій затѣмъ грабежъ и дикій вандализмъ ясно указываютъ на судьбу, постигающую подобныя крупныя предпріятія въ случаѣ, если имъ не сопутствуетъ успѣхъ.“

„Компанія Пульмана выстроила для своего производства огромныя мастерскія, въ которыхъ работало 6000 человекъ; для этихъ рабочихъ и для ихъ семей она отстроила хорошенькій городокъ съ 13000 жителей, пользовавшійся всѣми удобствами современнаго комфорта: большимъ паркомъ, театромъ, библіотекой и т. д. Дома въ городѣ могли быть пріобрѣтаемы только рабо-

*) Стр. 119 - 120.

чими, которые становились ихъ собственниками посредствомъ незначительныхъ ежегодныхъ взносовъ.

„Пока дѣла шли хорошо, царствовалъ миръ и изобиліе. За нѣсколько лѣтъ рабочими внесено было въ различные банки около четырехъ милліоновъ франковъ.

„Между тѣмъ число заказовъ уменьшилось, въ силу пониженія доходовъ желѣзнодорожныхъ компаній, кліентовъ завода, и фирма Пульмана, чтобы не работать въ убытокъ при наличности прежняго числа рабочихъ, принуждена была уменьшить заработную плату и понизить ее съ 11 франковъ до 7,50 франковъ въ день. Это вызвало настоящую революцію. Заводы были разграблены и сожжены, рабочіе образовали стачку, которая распространилась даже на желѣзныя дороги и привела къ такимъ сценамъ рѣзни и разрушенія, что президентъ штатовъ Кливлендъ принужденъ былъ объявить страну на военномъ положеніи. Только пушки положили конецъ бунту“ *).

Вотъ какъ, слѣдовательно, непрочна связь *на чисто экономической почвѣ*, на почвѣ исключительно экономическихъ интересовъ!

Предъ горящими зданіями своихъ заводовъ Пульманъ, замѣчаетъ Ле-Вонъ, пріобрѣлъ,—увы! слишкомъ поздно,—практическія свѣдѣнія изъ психологіи, за недостатокъ которыхъ онъ дорого заплатился, какъ, впрочемъ, и его рабочіе-пайщики.

Да и вообще положеніе хозяевъ, при условіи такихъ ассоціацій, крайне незавидно.

Цитируемый, нѣсколько дальше въ книгѣ Густава Ле Бона, соціологъ Барту пишетъ объ этомъ такъ:

„Не выходя изъ-подъ угрозъ законовъ, охраняющихъ свободу синдикатовъ, рискуя подвергнуться легальнымъ грубостямъ и заключенію, не пользуясь никакимъ вліяніемъ или авторитетомъ среди рабочихъ, отягощенные взносами въ различныя вспомогательныя кассы на случай безработицы, несчастія, болѣзни и старости, не имѣя возможности отнести эти взвасы на счетъ заработной платы по причинѣ ихъ большого размѣра, что вызвало бы народное возстаніе, истощаемые, наконецъ, прогрессивнымъ налогомъ на капиталъ, пріобрѣтенный цѣной всѣхъ этихъ трудностей и униженій, будучи хозяевами лишь по имени и еще для того, чтобы подвергаться риску и несчастнымъ случайно-

*) Стр. 121—2.

стямъ,—хозяева, люди стоящіе во главѣ промышленныхъ предприятий, обезкураженные, отрекутся, сложатъ все съ себя или, по крайней мѣрѣ, будутъ работать вяло, нерѣшительно, уклоняясь отъ своей задачи, какъ сборщики податей въ послѣдніе годы Римской имперіи“.

Итакъ, и рабочая аристократія осталась недовольна, и хозяева-предприниматели также недовольны. Въмѣсто искомой и ожидаемой „гармоніи интересовъ“, оказалась ожесточенная, непримиримая вражда и рознь.

Только что сказанное въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ вполне примѣнимо и къ общему положенію вещей: доколѣ будутъ надѣяться устроить жизнь и общественныя отношенія на чисто *экономической* основѣ, т. е. на солидарности матеріальныхъ интересовъ,—дотолѣ въ результатѣ всегда и повсюду будутъ рознь и борьба. Это лежитъ въ самой природѣ интереса, какъ одного изъ проявленій эгоизма и корысти. Вѣдь люди, проникнутые этими мотивами и стимулами, всегда слишкомъ требовательны и обидчивы!

Скажутъ:

Но это потому такъ, что теоретики-экономисты, на которыхъ вы ссылаетесь, не достаточно радикальны, а если бы они послѣдовали указаніямъ социалистовъ и рекомендовали бы устроить общественную жизнь, согласно съ социалистическими идеалами и требованіями, то рано или поздно борьба непременно смѣнилась бы миромъ и гармоніею,—виновать-де во всемъ современный режим и общественный строй.

Допустимъ.

Но, во-первыхъ, гдѣ остановиться такъ, чтобы былъ *совершенно исключенъ* личный интересъ? *Умѣренные* или, такъ называемые, *нейтральные* социалисты, дозволяя пользоваться, какъ личною собственностію, продуктами производства, требуютъ лишь обобществленія, то-есть обращенія въ общую собственность, орудій производства... Но, какъ убѣдительно разъяснено уже, съ этой же кафедры, однимъ изъ предшествующихъ лекторовъ (Л. Н. Вороновымъ), этимъ вѣдь предполагается существованіе арміи чиновниковъ для управленія „орудіями“ и для организаціи труда, чѣмъ дается масса поводовъ къ недовольству. Социалисты *радикальные* требуютъ обобществленія и продуктовъ... Но тѣмъ самымъ они обнаруживаютъ наклонъ къ коммунизму, который не довольствуется и этимъ, но требуетъ, чтобы все—до женъ и

дѣтей включительно—было общее. Однако, на этотъ разъ уже сама исторія даетъ отрезвляющей и глубоко-поучительный урокъ: всѣ опыты коммунистическаго социализма, какъ говоритъ она, были чрезвычайно недолговѣчны: недостатокъ разумнаго руководства коммунистическими общинами, а еще болѣе взаимная рознь и вражда между коммунарами вели обыкновенно къ распаду общинъ. Спуститься ли, ввиду этого, еще ступеню ниже, уже къ совсѣмъ крайней формѣ социализма,—къ анархизму?.. Однако, вѣдь, и анархисты не могутъ же совсѣмъ порвать со всякою общественною организаціею и притти къ культу атомистическаго индивидуализма: и они, дѣйствительно, вовсе не стремятся упразднить всякую вообще общественную организацію, но стремятся лишь къ тому, чтобы превратить человѣчество въ хаосъ мелкихъ, совершенно самостоятельныхъ (автономныхъ) и самоуправляющихся общинъ. Значить и они удерживаютъ и интересъ, и власть, и борьбу.

Вообще ясно, что, гдѣ бы на этой нисходящей лѣстницѣ ни остановиться, мы вездѣ встрѣтимъ борьбу,—доколѣ остаемся на чисто-экономической почвѣ, съ ея мнимою гармоніею интересовъ. Въ социализмѣ нейтральномъ остается—пусть и въ скромныхъ предѣлахъ—личная собственность: значить въ немъ дано и начало борьбы. Въ социализмѣ радикальномъ и коммунизмѣ есть принужденіе: значить, остается мѣсто недовольству и ропоту. Наконецъ,—даже и въ анархизмѣ поводы къ раздорамъ не только не будутъ устранены, но даже будутъ и еще усилены, удвоены и утроены. Вѣдь каждая отдѣльная община, въ самомъ дѣлѣ, и при анархическомъ строѣ, должна же быть организована, то-есть, какъ уже сказано, должно быть въ ней раздѣленіе общественныхъ занятій, а, слѣдовательно, и правъ и власти. Съ другой стороны, взаимное отношеніе отдѣльныхъ обществъ также предполагаетъ нѣкоторую общую власть, такъ что они образовали бы нѣчто въ родѣ союзнаго государства. А безъ этого, гдѣ ручательство мира между ними? Но, если,—что весьма вѣроятно, болѣе, чѣмъ вѣроятно,—если между анархическими общинами будетъ борьба изъ-за экономическихъ интересовъ, то столь вождельный для анархистовъ идеалъ свободы безвластія будетъ несравненно хуже, чѣмъ современное не-идеальное состояніе обществъ, такъ какъ въ теперешнихъ обществахъ междоусобная война является, по крайней мѣрѣ, лишь въ формѣ печальныхъ и и сравнительно рѣдкихъ исключеній, а тогда, при всеобщемъ

бездвастіа, она, весьма вѣроятно, будетъ постоянною и хроническою, охватывая притомъ не только отдѣльныхъ лицъ, эти „соціальныя атомы“, но и цѣлыя общества.

Итакъ, какъ бы мы ни переставляли точку зрѣнія, но, пока мы остаемся на почвѣ чистой экономики, то борьба за лучшее существованіе, борьба интересовъ, со всемія ея слѣдствіями, примѣры которыхъ мы уже видѣли въ малыхъ масштабахъ, останется печальнымъ и неустранимымъ закономъ жизни.

Это во-первыхъ.

Далѣе. При вдумчивомъ отношеніи къ вопросу, нельзя не замѣтить, что, пока социализмъ остается на чисто-экономической почвѣ, и думаетъ устроить „нормальное общество“ путемъ установки гармоніи интересовъ, то его протесты противъ эксплуатаціи экономически слабыхъ сильными, его призывы къ справедливости и миру становятся въ очевидное противорѣчіе и со ставимою имъ конечною цѣлію жизни и даже съ его сиходною точкою.

Въ самомъ дѣлѣ, социализмъ говоритъ своему послѣдователю какъ бы такъ: „твое высшее благо, цѣль твоей жизни есть твое личное матеріальное благосостояніе; но ты не долженъ стремиться къ личному обогащенію, а долженъ содѣйствовать достиженію матеріальнаго благосостоянія *всѣхъ*“. Однако,—какъ же это такъ? Вѣдь, если я долженъ жертвовать своимъ личнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ во имя общаго матеріальнаго блага, тогда, значить, невѣрна ставимая социализмомъ конечная цѣль моей жизни, то есть—что мое высшее благо есть мое личное матеріальное благополучіе. Противорѣчіе очевидное!

Съ другой стороны, социализмъ говоритъ своему послѣдователю какъ бы такъ: „человѣкъ и ты, въ частности, есть лишь производитель и потребитель экономическихъ цѣнностей, чѣмъ и опредѣляется его собственная цѣнность, а человѣческое общество есть не что иное, какъ чисто-хозяйственный союзъ; но ты все-таки не долженъ смотрѣть на другого, какъ на производителя и потребителя только и потому не долженъ его эксплуатировать“. И опять спрашивается: но, почему же такъ? Разъ человѣкъ есть не болѣе, какъ производящая матеріальныя блага сила, чисто-экономическая единица, то почему я не долженъ смотрѣть на него именно съ этой точки зрѣнія и не пользоваться этою силою, когда то мнѣ выгодно и содѣйствуетъ достиженію мною той самой цѣли, какую ставить мнѣ самъ же социализмъ?.. Возставать противъ экономической эксплуатаціи другого и не признавать за этимъ

другимъ никакой безусловной цѣнности, которая бы не позволяла пользоваться имъ, какъ орудіемъ или средствомъ обогащенія,— это очевидное противорѣчіе *).

Итакъ, что-нибудь одно: или мы должны примириться съ борьбою интересовъ и всѣми ея слѣдствіями, до взаимной эксплуатаціи экономически слабыхъ сильными включительно, или — должны сойти съ экономической точки зрѣнія, какъ недостаточной и самопротиворѣчивой, на другую, высшую.

Но на какую же?

Есть только одинъ единственный выходъ изъ противорѣчія между личнымъ и общимъ интересомъ, обуславливающего экономическую рознь и борьбу: это—*свободный отказъ отъ безчеловѣчной эксплуатаціи, отказъ во имя признанія со стороны каждаго за другимъ безусловной личной цѣнности, не позволяющей разсматривать человека въ качествѣ средства для обогащенія*. Моя обязанность, мой долгъ, мое личное внутреннее самоограниченіе,— вотъ право другого! И только на этой почвѣ, дѣйствительно, возможна „гармонія интересовъ“ и „соціальное умиротвореніе“.

Такая постановка дѣла переводитъ уже насъ, въ изслѣдованіи нашего вопроса, съ почвы политико-экономической на нравственно-правовую, къ чему мы и обратимся въ ближайшей главѣ.

Но прежде чѣмъ перейти на эту почву, позволяю себѣ еще разъ и точнѣе опредѣлить, въ какое отношеніе, въ качествѣ моралиста и теоретика, я становлюсь къ той теоремѣ или, если угодно, аксіомѣ, которую политико-экономисты выставляютъ въ качествѣ главнаго аргумента противъ правовѣрнаго марксизма, грозящаго обществу прогрессирующимъ обнищаніемъ рабочихъ и потомъ, именно вслѣдствіе этого, революціею,—то-есть къ ученію о гармонизаціи экономическихъ интересовъ и „рабочей аристократіи“. Я отнюдь не отвергаю ея,—о, нѣтъ, я далекъ отъ мысли объ этомъ! Совершенно напротивъ: эта аксіома и для меня служитъ надежнымъ исходнымъ пунктомъ. Но я утверждаю, что пока эта аксіома берется безусловно, то-есть оторванно отъ задачъ совсѣмъ другого порядка, именно отъ задачъ нравственнаго воспитанія народныхъ массъ, когда *одно изъ условій жизни, ея матеріальная основа, ставится верховною цѣлью жизни*, тогда эта аксіома неизбежно и всегда будетъ обманывать возлагаемая на нее надежды

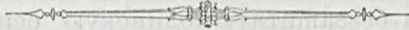
*) См. объ этомъ подробнѣе у Влад. Соловьева въ его *Критикѣ отвлеченныхъ началъ*, главы XIV—XVII.

и въ большей или меньшей степени разочаровывать. Ибо надъ экономическими интересами лежать интересы болѣе глубокіе — интересы нравственные и вообще духовные.

Вотъ объ нихъ то теперь и будетъ моя рѣчь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Проф. *Алексій Введенскій.*

На берегу ручья.

Неудержимо влечетъ иногда человѣка на просторъ полей, въ темные, сырые безконечные лѣса, туда, гдѣ—лишь Богъ, да равнина безлюдная. О, если мучить тебя тяжкое горе, если жить тебѣ трудно и больно, если некому тебѣ помочь,—иди къ природѣ, иди къ ней съ любовью! Она, какъ истинная добрая мать вся проникнется твоею тоской, любовно откроетъ тебѣ свои мощныя и краткія объятія, приголубитъ, утѣшитъ, вольнымъ благоуханнымъ вѣтромъ развѣетъ твою печаль, нѣжнымъ шелестомъ своихъ деревъ, будто милой, доброй лаской, закрадется тебѣ въ душу, усмирить и освѣжить въ ней все, дастъ забыться тебѣ етъ скорби на своемъ материнскомъ лонѣ...

Весело взбирается въ горку пушистый, какъ стадо гусятъ мелятникъ. Въ сторонѣ желтѣеть розъ, матовая—въ тѣни набѣжавшаго облачка. Передо мной глубоко внизъ уходитъ оврагъ, по мѣстамъ густо заросшій шиповникомъ и малиной. Вырѣзныя перья папортника пышно раскинулись въ немъ огромными букетами. За нимъ плотною стѣною сталъ хвойный лѣсъ. Иногда старья ели въ черныхъ, повисшихъ лохмотьяхъ зловѣще, будто для заговора, сходятся съ обѣихъ сторонъ оврага въ его глубь и, мнится,—даже солнечнымъ лучамъ жутко заглянуть въ ихъ таинственную, непривѣтливую сѣнь. Вдоль оврага извиается говорливый ручеекъ. Гдѣ онъ вспыхиваетъ серебристыми отблесками среди песчаныхъ сыпучихъ уступовъ, гдѣ чернѣетъ почти неподвижными широкими заводями подъ мрачными сводами растопырившейся надъ нимъ, какъ нетопырь, ольхи; ея размытые корни черной включенной бородой повисли надъ нимъ... Я прислонилась къ стройному бѣлому стволу молодой березы. Мѣрно и тихо, словно баюкаясь, покачивается ея гибкая вершина; что-то мирное, хорошее лепечетъ тамъ ея тонкая листва, вся напоенная

сіянемъ голубого неба. Кругомъ, на небольшой лужайкѣ смѣющимися гурьбами пестрѣютъ звонцы, Иванъ да Марья; звѣробой высится желтыми снопами. Изрѣдка выпорхнеть игривый порывъ вѣтра, волною весело поклонится ему въ поясъ колосистая рожь. Мимоходомъ восторгошитъ онъ сосѣдніе кусты; тѣни отъ нихъ пятнами суетливо забѣгаютъ по полянѣ, цвѣты закиваютъ головками; въ глазахъ зарябитъ отъ этого пестраго мельканья. Кинется вѣтеръ сразбѣга на беззащитную одинокую осину, охватить ее, робкую, выбкуую, шумомъ и холодомъ;—задрожитъ она вся... И тогда кажется, что сильный дождь хлынулъ на нее и крупныя капли зашлепали по ея кожистымъ трепетнымъ листьямъ. Поощренный своей побѣдой храбро и дерзко мчится вѣтеръ къ молчаливому хмурому лѣсу, но едва-едва презрительно качнуть ему въ отвѣтъ острия вершины черныхъ елей, не дрогнуть ежомъ взерошенныя сосны, подернутыя сѣдою дымкой. Имъ не до шалостей мальчишки-вѣтерка!.. Притаится вѣтеръ, и тихо-тихо все станетъ... Развѣ когда вкрадчиво и коварно прокричитъ ястребъ, или лазурнокрылая сойка слабо зашуршитъ вѣтвями, низко прошмыгнувъ надъ ручьемъ. А то только и слышно, какъ осы визгливо жужжать, да изъ оврага доносится журчанье и бульканье ручья. Какъ дружно его оцѣпили малютки-цвѣты! Цѣлыми семьями распушилась красная „кашка“, сквозь красноватую муть метельника тамъ и сямъ наивно выглядываютъ бѣлыя звѣзды ромашки, а между ними лютикъ дружно рассыпался золотыми брызгами. Такъ и жмутся къ ручью! Видно—любятъ они слушать его задушевные рѣчи. Я спустилась въ оврагъ поближе къ ручью, поближе къ цвѣтамъ. Вблизи блескъ ручья раздавался отчетливо и какъ-то строго. Долго задумчиво слушала я, стараясь понять, что за тайна скрыта въ этихъ звукахъ. И, наконецъ, незамѣтно ко мнѣ подкралась дремота и спутала мнѣ дѣйствительность съ моими думами и фантазіей. И вотъ—кажется мнѣ, что внятно я слышу таинственный говоръ ручья и цвѣтовъ.

— Дѣтки-цвѣточки! Приволье намъ здѣсь въ родной сторонѣ! Властно дышитъ повсюду глубокой торжественный покой. Нѣтъ края родной могучей равнинѣ, распростертой подъ ширью тихаго безмятежнаго неба. Здѣсь не пытается земля взобраться выше неба огромными горами, не стремится гордо и заносчиво покорить его зебѣ. Ницъ поверглась она предъ нимъ, созная свою низменность и ничтожество. И небо милостиво снисходитъ къ ней и являетъ ей всю свою безконечность, всю свою глубо-

чайшую тайну. Потому-то величавая простота осѣнила здѣсь все, будто тонкое свѣтозарное сіяніе. Крѣпко и увѣренно встали строгіе сумрачныя лѣса, переплелись и сплотились, точно рать грозная, несмѣтная, грудью готовая отстоять родимую землю. Имъ велѣдъ покорно разстлались необозримыя поля, прильнувъ вдали благоговѣйнымъ лобзаньемъ къ блѣдному небу. Не вѣдая тревогъ и порывовъ, царственно и плавно лбуются красавицы рѣчки среди отлогихъ послушныхъ береговъ... Всюду—миръ, тишина и просторъ!

Переглянулись цвѣты.—Да, все хорошо... Но зачѣмъ насъ точатъ мошки, жуки, клюютъ птицы, топчутъ всякіе звѣри?..—Потупившись, смущенно прошептали они...

Въ воздухѣ почувствовалась влажная вечерняя прохлада. Кроткія звѣзды участливо замигали цвѣтамъ.

— Слушай, ручей! На своемъ вѣку ты вѣдь много всего видалъ и слыхалъ. А мы только вчера расцвѣли... Скажи, зачѣмъ мы обречены терпѣть здѣсь всякія скорби? Мы хотимъ полного непрерывнаго счастья! Вѣдь есть же страна, гдѣ нѣтъ этой горькой неволи?

— О!.. тихо простоналъ ручей... Гдѣ нѣтъ печали?.. Ни отъ кого не слыхалъ я о вѣчно сіяющемъ небѣ, которое бы никогда не затуманивалось грустью, не мрачнѣло отъ тяжелыхъ мучительныхъ думъ, не гнѣвалось бурной грозой! Жалобный вздохъ усталой земли звучитъ въ порывѣ шумнаго вѣтра... Приноситъ онъ мнѣ вѣсти изъ далекихъ сторонъ, будто такъ страдает родимая наша земля, что судорожно вздрагиваетъ она тамъ, сдерживая свои рыданья, и, не имѣя силъ больше скрывать свои муки, съ воплемъ разражается огненными слезами... Мнѣ повѣдали вѣковья деревья, что слыхали они еще въ дѣтствѣ въ тихомъ шелестѣ дѣдовъ могучихъ. Будто жило когда-то счастье здѣсь на убогой землѣ, и никому было невѣдомо горе... А теперь... Вотъ промелькнула весна, какъ сновидѣнье, какъ быстроекрылая греза... Увянете вы, беспомощно поникнувъ головками... Поблекнуть, осыпятся листья... Болѣзненная страдальческая улыбка разольется въ блѣдной лазури осенняго неба... Скорбный разбитый аккордъ слышится вездѣ... Кто жъ порвалъ струны? Отчего этотъ разладъ? Отчего?

Съежились цвѣты отъ ужаса, слушая эти горестныя рѣчи. Крупныя капли слезь-росинокъ выступили на ихъ зажмуренныхъ вѣнчикахъ.

— О, не плачьте, мои милыя дѣтки, нѣжно зашепталъ имъ ручей. Видите, какъ искрится небо бездной переливчатыхъ огней? Все то—Божьи міры, безчисленные, прекрасныя. Вотъ—наша надежда,—наша отрада... Вѣдь ваша жизнь—мгновенье. Терпите безропотно краткія скорби. Живите для солнца. Оно васъ такъ любитъ, своими живительными лучами оно радо заглянуть въ самую темную чашу и глушь, лишь бы каждаго изъ васъ освѣтить, обогрѣть, осчастливить. И вы—любите солнце, въ немъ одномъ полагайте все свое счастье, довѣрчиво предайтесь во власть его благодатныхъ лучей, имъ отдавайте свое благовонное дыханіе; пусть послѣдній вашъ вздохъ, какъ струя оѳіиима, унесется въ безпредѣльную высь. Придетъ пора... Вновь натянутся порванные струны... Вновь зазвучитъ неизъяснимо сладостная дивная гармонія... Умолкнуть вздохи, осушатся слезы, жизнь преобразится въ любовь,—въ лучезарное, неизмѣнное, вѣчное счастье! Но эта новая жизнь обниметъ насъ уже тамъ... въ этомъ синемъ небѣ... въ алмазныхъ звѣздахъ...

Цвѣты устремили свои взоры на далекія таинственныя звѣзды. Слезы печали смѣнились слезами тихой радости. Кроткая улыбка застыла на ихъ ароматныхъ устахъ. Затихъ ручей. Въ его сдержанныхъ струяхъ ясно и отчетливо отразились мерцающія звѣзды. Онъ бережно принялъ въ свое лоно это отраженіе, созерцая его, дивясь и восхищаясь. Немного дальше, надъ его широкой заводью столпились дряхлыя ветлы и потушились своими сѣдыми кудрями, будто застывъ въ нѣмой молитвѣ. А черный лѣсъ смотритъ на звѣздное небо и силится постичь его чудную тайну, и больше сосредоточивается въ себѣ, и больше хмурится, и больше уходитъ въ свои трудныя вѣковыя размышленія...

— Такъ вотъ, уже не во снѣ, а на яву думалось мнѣ, вотъ отчего въ природѣ разлитъ такой безбрежный покой! Вотъ отчего такое примиреніе даритъ она скорбной, смущенной душѣ: она сама страдаетъ и терпитъ—кротко, безмолвно...

Я слушала тишину священную, торжественную, и робѣла оскорбить ее неосторожнымъ движеніемъ. Мнѣ чудилось, что я стою въ огромномъ величественномъ храмѣ. Бездоннымъ куполомъ обьяло его звѣздное небо. А молились кругомъ меня и лѣсъ, и поле, и ручей, и цвѣты, молились преданно, всѣмъ своимъ существомъ, молились безъ словъ... И эта молитва властной волной подступала къ моему сердцу, будила и его отлаться

горячей мольбѣ. Хотѣлось молиться за всѣхъ, кто мятется, не зная отрады въ своей тугѣ, кто бесплодно ищетъ счастья тамъ, гдѣ его не найти ему никогда. Хотѣлось молиться за тѣхъ, кто унываетъ и ропщетъ на свою горькую долю. А въ самомъ глубокомъ душевномъ тайникѣ звучало слезное:—Прости!. О, я знаю, „Кто порвалъ струны“... Знаю, отчего „вся тварь въздыхаетъ и мучится донинѣ, и ждетъ освобожденья“... Прости—меня, прости—всѣхъ насъ! мы оторвались отъ Тебя, вѣчнаго Источника счастья и свѣта... Ты уже протянулъ къ намъ благостныя руки, Ты ждешь только, чтобъ мы сами крѣпко ухватились за нихъ. О, мы хотимъ, но мы слабы, мы немощны... Сжался надъ нами! Не призри и слабого нашего стремленья къ Тебѣ! Влеку Самъ насъ къ Себѣ, „влеки, какъ исполинъ влечетъ малаго отрока!“

Г. Л.

Изъ жизни столичныхъ церковныхъ школъ.

11 мая столичныя церковныя школы торжественно праздновали память свв. первосвятителей Славянскихъ Кирилла и Меодія. Въ кафедральный храмъ Христа Спасителя собрались къ литургіи до 3000 учащихся обоего пола въ столичныхъ церковно-приходскихъ школахъ съ ихъ преподавателями и преподавательницами. На срединѣ собора стала хоръ изъ учащихся до 500 человекъ, подъ управленіемъ Д. И. Зорина, а на клиросахъ размѣстились воспитанницы Филаретовскаго училища. Литургію совершалъ Владыка Митрополитъ Владиміръ съ преосвященными епископами: Серафимомъ и Анастасіемъ, о.о. архимандритами: Алипіемъ, Макаріемъ и Арсеніемъ, членами соборнаго причта. На молебенъ къ служащимъ присоединился преосвященный Трифонъ, епископъ Дмитровскій, и нѣсколько протоіереевъ и священниковъ, членовъ Совѣта Братства и завѣдующихъ церковно-приходскими школами. Во время литургіи и молебна читали и пѣли учащіяся. Особенно хорошо и стройно исполнено учащимися входное „Святися, святися“, „Херувимская“, „Вѣрую“ и „Отче нашъ“, а также во время молебна тропари и загѣвы. Большое впечатлѣніе производило на молящихся, переполнившихъ храмъ, это образцовое, прочувствованное пѣніе величественныхъ литургійныхъ пѣнопѣній простымъ напѣвомъ въ нѣсколько тысячъ дѣтскихъ голосовъ.

Вмѣсто запричастнаго стиха о. протоіереемъ Н. А. Кошьевымъ

была произнесена проповѣдь, посвященная обзорѣнію подвиговъ и трудовъ свв. Кирилла и Меодія.

Молебствіе закончилось пѣніемъ многолѣтія, а затѣмъ Владыка Митрополитъ преподалъ каждому изъ учащихся свое святительское благословеніе, а столичный и епархіальный Наблюдатели раздавали дѣтямъ духовно-правственныя брошюры.

Весьма благотворное вліяніе на общество, въ смыслѣ ознакомленія съ церковно-приходскими школами и разсѣянія предубѣжденія противъ нихъ, должны имѣть такія торжественныя молитвенныя собранія учащихся въ церковныхъ школахъ дѣтей. Наблюдая эту умиленную картину молитвеннаго празднества такого множества дѣтей, невольно каждый изъ присутствующихъ проникается любовью къ дѣтямъ, къ школѣ и дѣтелямъ ея: предъ очами всѣхъ собравшихся на подобное молитвенное празднество встаетъ самымъ, такъ сказать, осязательнымъ образомъ великое дѣло народнаго образованія и воспитанія, со всѣми его благими послѣдствіями, вызывая глубокую благодарность ко всѣмъ тѣмъ, кто, несмотря на разнаго рода лишенія и недостатки, несутъ великій трудъ учительства и воспитанія. Впечатлѣніе отъ такихъ торжественныхъ молитвенныхъ празднествъ всегда самое благопріятное для школъ и ихъ дѣтелей. Какъ было бы хорошо, если бы подобныя торжественныя молитвенныя празднества въ церкви заканчивались публичными собраніями и актами, на которыхъ руководители церковно-школьнаго дѣла въ особыхъ рефератахъ и докладахъ съ тою же торжественностью могли бы свидѣтельствовать предъ обществомъ о благихъ плодахъ дѣятельности этихъ школъ и также ободряюще могли бы дѣйствовать на многихъ труженниковъ въ этихъ школахъ.

Въ обществѣ и въ печати все еще не прекращаются не только предубѣжденные, но даже и прямо враждебныя толки о церковныхъ школахъ, а между тѣмъ лица, которыя могли бы отнестись къ нимъ безпристрастно, мало съ ними знакомы. Поэтому, является особенно настоятельная потребность знакомить наше общество съ церковною школою, да не по книгамъ, статьямъ или отчетамъ, а прямо воочію, лицомъ къ лицу. Способствуя наглядному ознакомленію общества съ жизнедѣятельностью церковно-приходскихъ школъ, заинтересовывая его въ дѣлѣ, которое весьма нуждается въ сочувствіи общества, подобные торжественныя церковно-школьныя акты могутъ сами собою возбуждать и многіе другіе немаловажныя вопросы, касающіеся народнаго образованія. Въ настоящее время общественное мнѣніе занято вопросомъ о введеніи всеобщей обязательности начальнаго обученія; всѣ сознаютъ не-

обходимость этого; но всёхъ останавливаетъ недостатокъ средствъ: устройство начальныхъ народныхъ школъ по типу министерскихъ и земскихъ требуетъ непосильныхъ затратъ со стороны государства, и такимъ образомъ вопросъ объ обязательности обученія остается неразрѣшимымъ—и притомъ не по причинѣ отсутствія въ народѣ стремленія къ образованію, а по причинѣ дороговизны школъ. Какъ же быть и гдѣ искать разрѣшенія возникшей на почвѣ нашей необразованности и бѣдности дилеммы? Этотъ вопросъ особенно рѣзко встаетъ предъ общественнымъ сознаніемъ во всей его неразрѣшимости, когда приходится знакомиться съ расходами по начальному образованію въ земствахъ и большихъ городахъ. А между тѣмъ, если бы наше образованное общество хорошо знакомо было съ церковно-приходскими школами, то это значительно бы смягчило неразрѣшимость указаннаго вопроса и указало бы пути, если не къ полному, то, по крайней мѣрѣ, къ болѣе или менѣе удовлетворительному разрѣшенію его. Въ самомъ дѣлѣ, нужно только просмотрѣть отчеты епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ о церковно-приходскихъ школахъ, чтобы убѣдиться, что при нѣкоторыхъ, и при томъ не всегда даже существенныхъ, сокращеніяхъ расходовъ на содержаніе школъ возможно значительно большее распространеніе ихъ, а слѣдовательно, и развитіе начального образованія. Въ то время, какъ земства и города тратятъ на сотни школъ сотни тысячъ, епархіальные училищные совѣты на тысячи такихъ же школъ тратятъ только десятки тысячъ. Подобныя сопоставленія, въ особенности детальныя, при очевидной для всёхъ одинаковости сравниваемыхъ предметовъ, несомнѣнно должны имѣть благотворныя послѣдствія. Они мало-по-малу останавливаютъ вниманіе общества на церковно-приходскихъ школахъ и укажутъ ему на возможность выхода изъ указанной дилеммы путемъ наиболѣе желательнымъ и для нашего народа.

А. А.

Хроника епархіальной жизни.

Праздникъ въ духовной семинаріи. 9 мая духовная семинарія торжественно справляла престольный праздникъ своего храма. Литургію и молебеніе совершалъ преосвященный Анастасій, епископъ Серпуховской, съ ректоромъ семинаріи архимандритомъ Теодоромъ и прочимъ духовенствомъ при стройномъ пѣніи семинарскаго хора. Обширный храмъ и прилегающая къ нему актовая зала были переполнены массой богомольцевъ.

Крестныя ходы. 9 мая, передъ поздней литургіей, былъ совершенъ крестный ходъ изъ Казанскаго собора въ часовню св. Николая Чудотворца, что у Никольскихъ воротъ. Здѣсь о. протоіереемъ А. В. Никольскимъ съ соборнымъ духовенствомъ было совершено молебствіе съ чтеніемъ акаѳиста св. Николаю Чудотворцу, а затѣмъ крестный ходъ, сопровождаемый массой богомольцевъ, возвратился въ Казанскій соборъ.

9-го же мая былъ совершенъ крестный ходъ вокругъ Никольскаго монастыря, что въ Преображенскомъ. Въ процессіи были несены чтимыя въ обители древнія иконы, а во главѣ духовенства шелъ настоятель о. игумень Сергій, совершавшій по мѣстамъ литіи и чтеніе св. Евангелія.

Благодарственныя молебствія. 9 мая во Владимірской церкви епархіальнаго дома было совершено благодарственное молебствіе по случаю избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ грозившейся опасности. Богослуженіе совершалъ владыка митрополитъ Владиміръ съ преосвященнымъ Трифономъ, епископомъ Дмитровскимъ, и архимандритами Алипіемъ и Аванасіемъ и прочимъ духовенствомъ. Передъ началомъ богослуженія митрополитъ произнесъ глубоко-прочувствованное слово.

13 мая, согласно распоряженію Синода, въ Большомъ Успенскомъ соборѣ послѣ литургіи было отслужено благодарственное къ Господу Богу молебствіе по случаю избавленія Государя Императора отъ грозившей Ему опасности. Бого служеніе совершалъ владыка митрополитъ Владиміръ съ преосвященнымъ Серафимомъ, епископомъ Можайскимъ, ректоромъ семинаріи архимандритомъ Θεодоромъ, о.о. архимандритами: Іаковымъ, Никономъ, Аристархомъ, Иннокентіемъ, Гавріиломъ, Аванасіемъ, о. протопресвитеромъ собора В. С. Марковымъ, 15 протоіереями и священниками. Передъ началомъ молебна владыка митрополитъ произнесъ глубоко-прочувствованное слово. Масса богомольцевъ переполняла соборъ во время богослуженія. Въ каедральномъ, во имя Христа Спасителя, соборѣ литургію и молебствіе совершалъ преосвященный Анастасій, епископъ Серпуховской, съ архимандритомъ Арсеніемъ и соборнымъ духовенствомъ, при большомъ стеченіи молящихся.

Молебствія были совершены въ придворныхъ соборахъ и во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ столицы.

Разборка трапезы. 11 мая въ храмѣ Св. Троицы, что на Капелькахъ, было совершено молебствіе, а потомъ рабочіе приступили къ разборкѣ трапезы съ 2 придѣлами, вмѣсто которыхъ сооружается новая громадная трапезная часть съ придѣлами. Утварь съ престоловъ и одежды съ нихъ были сняты съ пѣніемъ псалмовъ. Престолы, согласно

разрѣшенію епархіальной власти, будутъ сожжены въ печахъ по церковному уставу.

При разборкѣ пола въ трапезѣ были найдены возлѣ клиросовъ 2 каменные надгробныя плиты съ уцѣлѣвшими надписями XVII столѣтія.

Работы по сооружеію придѣловъ предполагается закончить къ осени нынѣшняго года.

Праздникъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. 13 мая Новодѣвичій монастырь праздновалъ годовщину своего основанія. Въ древнемъ Смоленскомъ храмѣ обители соборнымъ служеніемъ, при большомъ стеченіи богомольцевъ было совершено торжественное богослуженіе, а зитѣмъ начался крестный ходъ вокругъ обители. Въ процессіи была несена чудотворная икона Смоленской Божіей Матери и другія древнія иконы. По пути совершались литіи и чтеніе св. Евангелія. Масса молящихся сопровождала процессію, во время которой совершался колокольный звонъ.

Празднованіе священнаго дня Коронаванія Ихъ Величествъ. 13 мая, наканунѣ празднованія дня священнаго Коронаванія Ихъ Величествъ, всенощное бдѣніе въ Большомъ Успенскомъ соборѣ совершалъ преосвященный Серафимъ, епископъ Можайскій, съ архимандритами: Борисомъ, Гавріиломъ, Анастасіемъ, о. протопресвитеромъ и соборнымъ духовенствомъ, при большомъ стеченіи молящихся.

14 мая съ утра все зданія города украсились національными флагами; въ храмахъ послѣ литургій были совершены молебствія съ колѣнопреклоненіемъ. Въ кафедральномъ, во имя Христа Спасителя, соборѣ богослуженіе совершалъ преосвященный Трифонъ, епископъ Дмитровскій, съ архимандритомъ Аристархомъ и соборнымъ духовенствомъ.

Въ Большомъ Успенскомъ соборѣ литургію совершалъ владыка митрополитъ Владиміръ съ преосвященными викаріями епископами: Серафимомъ и Анастасіемъ, о.о. архимандритами: Борисомъ, Теофилактомъ, Гавріиломъ, о. протопресвитеромъ В. С. Марковымъ и соборнымъ духовенствомъ. Проповѣдь говорилъ членъ консисторіи о. протоіерей В. Е. Бѣлковъ.

Молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ совершалъ владыка митрополитъ съ преосвященными епископами: Серафимомъ, Анастасіемъ и Иоанномъ, ректоромъ семинаріи архимандритомъ Θεодоромъ, 12 архимандритами, о. протопресвитеромъ и 14 протоіереями и священниками.

При провозглашеніи многолѣтія Государю Императору изъ орудій, расположенныхъ на Тайнинской башнѣ, была произведена пальба.

Празднованіе Преполовенія. 16 мая въ день Преполовенія св. Пятидесятницы, литургію въ Большомъ Успенскомъ соборѣ совершалъ Владыка Митрополитъ Владиміръ съ о.о. архимандритами: Іаковомъ, Гавріиломъ и Аонасіемъ, о. протопресвитеромъ и соборнымъ духовенствомъ. Передъ „малымъ входомъ“ Митрополитъ возвелъ въ санъ протоіерея благочиннаго Срѣтенскаго сорока о. Владиміра Остроухова. Въмѣсто запричастнаго стиха о. Михаиломъ Смирновымъ была произнесена проповѣдь.

Послѣ литургіи изъ алтаря прибывшимъ духовенствомъ были вынесены чудотворныя иконы и соборныя святыни, а на средину собора въ бѣлыхъ глазетовыхъ облаченіяхъ вышли: Владыка Митрополитъ, преосвященные епископы: Трифонъ, Серафимъ и Анастасій, о.о. архимандриты: Іаковъ, Оеофилактъ, Архистархъ, Гавріиль, Аонасіій, Игнатій, Тихонъ, о. протопресвитеръ и многочисленное духовенство. Началось молебствіе, во время котораго былъ совершенъ крестный ходъ на Кремлевскую набережную, гдѣ у Тайницкой банни была устроена сѣнь для водоосвященія, втеченіе многихъ лѣтъ устраивавшаяся на Москврѣкѣ, на особомъ плоту. Въ нынѣшнемъ году во время половодья этотъ плотъ снесло неизвѣстно куда, и городская управа устроила сѣнь на мостовой. По прибытіи процессіи къ сѣни, Владыка Митрополитъ совершилъ освященіе св. воды, палитой въ серебряную чашу, окропилъ духовенство и присутствовавшихъ. Св. вода изъ чаши была вылита въ рѣчку, а крестный ходъ возвратился въ томъ же порядкѣ въ Кремль въ Успенскій соборъ. Стеченіе богомольцевъ въ соборъ и во время крестнаго хода было значительное.

16-го же мая послѣ литургіи, совершенной преосвященнымъ Іоанномъ въ Тихвинской церкви Симонова монастыря, былъ совершенъ крестный ходъ изъ этой обители на „Сергіевскій“ прудъ, находящійся въ веретѣ отъ монастыря, гдѣ было совершено, при большомъ стеченіи богомольцевъ, водоосвященія.

Въ Новоспасскомъ, Спасо-Андрониковскомъ и Даниловомъ монастыряхъ вчера были совершены крестные ходы для водоосвященія на святые колодцы.

ОТЧЕТЪ

приходскаго попечительства при Николаевской, села Рогачева, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, церкви (за время отъ 23 февраля 1906 года по 23 февраля 1907 года)*).

За 4-й годъ своего существованія приходское попечительство состояло изъ 41 члена,—изъ нихъ членовъ учредителей 6, пожизненныхъ 2, дѣйствительныхъ 20 и членовъ сотрудниковъ 13. Почетными членами попечительства были три лица. Совѣтъ, завѣдывающій дѣлами попечительства, состоялъ изъ Предсѣдателя попечительства Ѡ. С. Рыбакова, избраннаго на второе трехлѣтіе, 5 непремѣнныхъ членовъ (3 мѣстныхъ священниковъ, церковнаго старосты и волостнаго старшины)—и 20 членовъ по избранію отъ прихожанъ на три года. Суммы попечительства и документы на капиталъ находились у казначея попечительства М. Д. Князева, дѣятельность котораго по изысканію средствъ попечительства оцѣнена собраніемъ Совѣта (26 марта 1906 года) изъявленіемъ благодарности и просьбою принять на себя заботы казначея на второе трехлѣтіе. Повѣрка отчетности прихода, расхода и остатка, равно и документовъ на капиталъ попечительства 24 марта 1907 года произведена ревизіонною комиссіею.

П Р И Х О Д Ъ.

Въ кассѣ попечительства за 1906—7 годъ состояло:

Остатка отъ прошедшаго года по 3-мъ распискамъ на храненіи Московской Конторы Государственнаго Банка за №№ 457478, 467381 и 494559 въ 4% Государственныхъ рентахъ . . .	2600 р. — к.
и наличными	140 р. 99 к.
Всего въ остаткѣ	2740 р. 99 к.

Въ отчетномъ 1906—7 году съ 23 февраля поступило:

1) Отъ членовъ учредителей и пожизненныхъ пожертвованій	105 р. — к.
2) Членскихъ взносовъ отъ 20 дѣйствительныхъ и 13 членовъ соровнователей	136 р. — к.
3) Кружечнаго сбора по церкви и приходу	228 р. 50 к.

Итого въ приходѣ за 1906—7 годъ . . . . . 469 р. 50 к.

Балансъ . . . . . 3210 р. 49 к.

*) Отчетъ за 1905—6 годъ напечатанъ въ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ въ № 17, 1906 года.

РАСХОДЪ.

Въ отчетномъ 1906—7 году съ 23 февраля
израсходовано:

1) Выдано пособія бѣднымъ предъ праздни- ками Пасхи и Рождества Христова	304 р. 50 к.
2) Въ теченіе года на погорѣлое мѣсто че- тыремъ домохозяевамъ-прихожанамъ выдано	28 р. — к.
3) Въ двухъ случаяхъ на погребеніе бѣд- ныхъ умершихъ израсходовано	5 р. — к.
4) Къ праздникамъ Пасхи и Рождества Христова пѣвчимъ церковнаго хора и лицамъ, поющимъ на лѣвомъ клиросѣ, выдано	42 р. — к.
Всего въ расходѣ	379 р. 50 к.

Къ 23 февраля 1907 года въ остаткѣ
состоить:

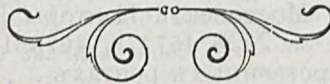
Наличными . . . . . 230 р. 99 к.

По 3-мъ распискамъ на храненіи Москов-
ской Конторы Государ. банка за №№ 457478,
467381 и 494559 въ 4^{0/0} Государственныхъ рен-
тахъ . . . . . 2600 р. — к.

Итого . . . . . 2830 р. 99 к.

Балансъ . . . . . 3210 р. 49 к.

Свящ. Порфирій Флеровъ.

Содержаніе: Обличителямъ духовенства.—Соціальный вопросъ, какъ нрав-
ственная и теоретическая задача.—На берегу ручья.—Изъ жизни столичныхъ
церковныхъ школъ.—Хроника епархіальной жизни.—Отчетъ приходскаго попе-
чительства.

При семь № прилагается „Московскій Благовѣстъ“ № 18. Цѣна листовъ безъ
пересылки 70 коп. за 100, съ пересылкой 90 коп. При выпискѣ на 5 руб., пе-
ресылка бесплатно.

Цензоръ

Исп. об. редактора

Протоіерей Н. Извъковъ.

Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

20 мая.

№. 20.

1907 года.

Высочайшій приказъ.

Высочайшимъ приказомъ по вѣдомству Православнаго Исповѣданія, отъ 26 марта с. г. за № 19, произведены за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники — помощникъ смотрителя Перервинскаго дух. училища *Никольскій*, съ 20 августа 1906 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ надворные совѣтники—учитель Звенигородскаго дух. училища *Яницкій*, съ 11 ноября 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры—библіотекаръ Московской Синодальной Типографіи *Покровскій*, съ 10 октября, 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники—казначей (онъ же смотритель дома) Московской Дух. Консисторіи *Глаголевъ*, съ 3 августа 1903 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари—журналистъ и архивариусъ Московской Синодальной Типографіи *Левшинскій*, съ 20 сент. 1906 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари—и. д. помощника завѣдывающаго типографскими работами той же Типографіи *Георгіевскій*, съ 1 ноября 1906 г.; въ коллежскіе регистраторы: канцелярскіе служители—той же Типографіи *Капеллеръ*, Московской Дух. Консисторіи *Пономаревъ*, *Лебедевъ*, *Бьяльскій* и *Рудневъ*, съ 5 октября 1906 г. и *Разумовскій*, съ 1 февр. 1907 г.; утверждены въ чинахъ со старшинствомъ: коллежскаго ассесора—учители Перервинскаго дух. училища: *Постниковъ*, съ 10 авг. 1901 г., *Куленскій*, съ 20 марта 1902 г. и *Бьялевъ*, съ 25 окт. 1901 г.; коллежскаго секретаря—и. д. правщика Московской Синодальной Типографіи *Петропавловскій*, съ 29 сент. 1905 г.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Опредѣлены:

1) На вакансію священника къ церкви с. Гарей, Дмитр. у., Московской Златоустовской церковно-приходской школы Сергій *Протопоповъ*, 8 мая.

2) На вакансію священника къ церкви с. Ново-Озерецкаго-Мышецкаго, Моск. у., учитель Глаголевской церковно-приходской школы, Верейскаго у., Павелъ *Соколовъ*, 8 мая.

3) На вакансію священника къ церкви с. Сурмина, Дмитровскаго у., діаконъ на псаломщической вакансіи Троицкаго собора г. Серпухова Николай *Коренновъ*, 12 мая.

Уволены за штатъ:

1) Священникъ с. Гарей, Дмитр. у., Владиміръ *Смирновъ*, согласно прошенію, 8 мая.

2) Священникъ с. Ново-Озерецкаго-Мышецкаго, Моск. у., Никифоръ *Соловьевъ*, согласно прошенію, 8 мая.

3) Діаконъ церкви погоста Старо-Спасскаго, Серпуховскаго у.; Дмитрій *Дмитревскій*, 10 мая.

Исключенъ изъ списковъ умершій:

Священникъ церкви с. Бирева, Клинскаго уѣзда, Николай *Бляевъ*, 3 мая.

Отъ Комитета для принятія пожертвованій на храмы, устрояемые въ Сибирскомъ краѣ.

Комитетъ, учрежденный при Чудовѣ монастырѣ для приѣма пожертвованій на храмы, устрояемые въ Сибирскомъ краѣ, симъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что въ апрѣлѣ сего года вынута изъ кружки, находящейся при свѣчномъ ящикѣ Алексіевской церкви Чудова монастыря, пожертвованій *двадцать (20) рублей 80 коп.*

Отъ Комитета Высочайше учрежденнаго для принятія и храненія приношеній на созиданіе храма во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Нязя Александра Невскаго.

Комитетъ, учрежденный при каедральномъ Чудовѣ монастырѣ для приѣма и храненія пожертвованій на сооруженіе храма въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, симъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что въ апрѣлѣ сего года вынута изъ двухъ кружекъ, находящихся на паперти Алексіевской церкви Чудова монастыря и при свѣчномъ ящикѣ въ той же церкви пожертвованій на построеніе означеннаго храма *девятнадцать (19) руб. 45 коп.*

Цензоръ

Протоіерей Н. Извъковъ.

Редакторъ Секретарь Консисторіи

П. Беллавинъ.